

K-14038

11 327672

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна**

492'2000

2000

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-7998

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна
492'2000**

Заснований в 1983р.

**СОЦІОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ
СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА:
МЕТОДОЛОГІЯ, ТЕОРІЯ, МЕТОДИ**

**SOCIOLOGICAL STUDIES
OF CONTEMPORARY SOCIETY:
METHODOLOGY, THEORY, METHODS**

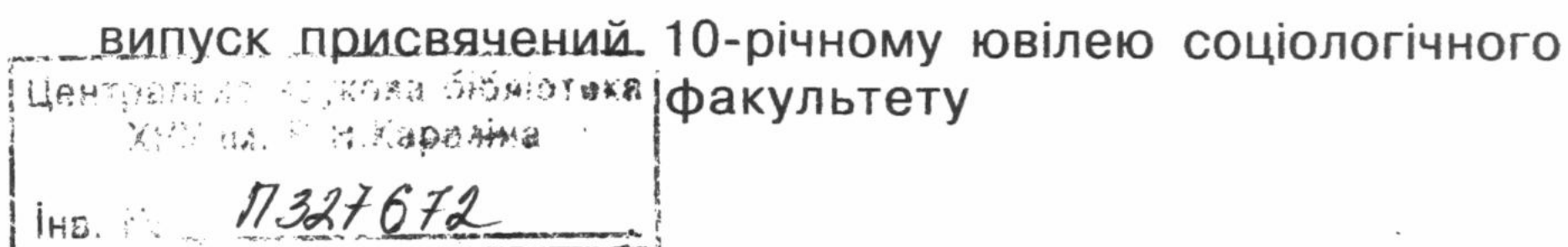
**Харків
Видавничий центр Харківського національного
університету ім.В.Н.Каразіна
2000**

ББК 60.5
В-36

Вісник Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна.
“Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”. – 2000.
– №492. – 200 с.

Вестник Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина.
“Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы”. – 2000. – №492. – 200 с.

Visnyk of the V.Karazin Kharkov National University. “Sociological Studies of Contemporary Society: Methodology, Theory, Methods”. – 2000. – #492. – 200 p.

Редакційна колегія:

Д-р соціолог. н. проф. **В.С.Бакіров** (відповідальний редактор), д-р екон. н. проф. **Є.М.Воробйов**, д-р філос. н. проф. **М.І.Сазонов**, д-р соціол. н. проф. **В.О.Соболев**, д-р філос. н. проф. **В.В.Шкода**, д-р філос. наук, проф. **О.О.Якуба**, канд. філос. наук, доцент **В.М.Ніколаєвський** (відповідальний секретар).

Адреса редакційної колегії:

61002, Харків, вул. Мироносицька, 1, соціологічний факультет Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна

Тел.: 45-73-34, 45-75-55, 45-73-68; e-mail: sociology@univer.kharkov.ua

Друкується за рішенням Вченої ради Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна. Протокол № 8 від 27 жовтня 2000 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 4063 від 02.03.2000

© Харківський національний
університет ім.В.Н.Каразіна
2000

4/9

ЗМІСТ

Содержание	5
Contents	7
Бакіров В.С. <i>Соціологія в постмодерністському контексті</i>	9
Якуба О.О. <i>Соціальна зрілість інтелігенції як фактор трансформації суспільства</i>	13
Пилипенко В.Є., Татарчук М.О. <i>Формування та поведінка "середнього" класу в сучасному українському суспільстві</i>	16
Саппа М.М. <i>Соціальна група робітників розумової праці: функціональні і соціально-технологічні аспекти аналізу</i>	24
Победа Н.О. <i>Соціально-культурна динаміка в країнах пострадянського простору</i>	30
Куценко О.Д. <i>Соціальні зміни та трансформація крізь призму синергетичного підходу</i>	38
Бекешкіна І.Е. <i>Становлення електоральної соціології в Україні та традиція вивчення виборчої поведінки у країнах розвинутої демократії</i>	48
Ніколаєвський В.М., Якуба О.О. <i>Тенденції розвитку вищої освіти та система оцінки якості підготовки фахівців у ВНЗ</i>	54
Астахова В.І. <i>Право на освіту: європейський стандарт</i>	57
Навроцький О.І. <i>Особливості менеджменту вищої школи в умовах її інноваційної трансформації</i>	61
Бурега В.В. <i>Рівні соціальної адекватності менеджменту</i>	65
Хижняк Л.М. <i>Безлідерні організаційні структури як соціальне явище</i>	72
Полторак В.А. <i>Навчання економістів соціології: від загальноосвітнього курсу до професійної спеціалізації</i>	77
Попова І.М. <i>Соціологічна інтерпретація як пояснення і розуміння</i>	81
Сокурянська Л.Г. <i>Якісні методи у контексті гуманізації соціологічного знання</i>	88
Подольська Є.А. <i>Особистість: подія та співбуття (методологічні аспекти соціологічного дослідження)</i>	93
Сохань Л.В. <i>Особистість у водоводові соціальних змін: імперативи ХХІ сторіччя</i>	100
Злобіна О.Г. <i>Динаміка соціальних уявлень особистості в контексті суспільних змін</i>	105
Бойко Н.Л. <i>Феномен соціально-психологічної залежності особистості і перспективи створення громадянського суспільства</i>	110

Городяненко В.Г., Гилюн О.В., Швидка Л.І. <i>Міська молодь в умовах трансформації суспільства: штрихи до соціального портрету</i>	115
Лантух А.П. <i>Студентство – маргінальний досвід</i>	121
Арбеніна В.Л. <i>Стан та тенденції розвитку міжнаціональних відносин в м.Харкові (за результатами соціологічних досліджень 1989 - 2000 рр.)</i>	128
Андрющенко А.І. <i>Система соціального захисту населення в Україні: проблеми ефективності</i>	140
Даниленко О.А. <i>Ціннісні параметри класифікації методик зняття конфліктних ситуацій</i>	147
Денисенко І.Д. <i>Формування загальної теорії конфлікту в контексті основних положень загальної теорії систем</i>	152
Шкода В.В. <i>Кінець критики?</i>	156
Соболев В.О., Сердюк О.О. <i>Наркоманія як об'єкт соціологічного аналізу</i>	167
Каменська Т.Г., Підшивалкіна В.І. <i>Деякі аспекти дослідження образу вживання наркотиків у молодіжному середовищі</i>	173
Свєженцева Ю.О. <i>Дилема ув'язненого як актуалізація проблеми довіри в соціології</i>	177
Рущенко І.П. <i>Соціологія злочинності: нова наукова дисципліна – “старі” витоки</i>	181
Лисиця Н.М. <i>Соціальна норма і девіація у системі маркетингових комунікацій</i>	188
Сорока Ю.Г. <i>Комплексне застосування дискурсівного та контент-аналізу в дослідженні творів масової комунікації</i>	192
Соціологічний факультет Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна	197
Східноукраїнський Фонд соціальних досліджень	198
Вимоги до авторів	199

СОДЕРЖАНИЕ

Contents	7
Бакиров В.С. <i>Социология в постмодернистском контексте</i>	9
Якуба Е.А. <i>Социальная зрелость интеллигенции как фактор трансформации общества</i>	13
Пилипенко В.Е., Титарчук Н.А. <i>Формирование и поведение "среднего" класса в современном украинском обществе</i>	16
Саппа Н.Н. <i>Социальная группа работников умственного труда: функциональный и социально-технологический подходы к анализу</i>	24
Победа Н.А. <i>Социально-культурная динамика в государствах постсоветского пространства</i>	30
Куценко О.Д. <i>Социальные изменения и трансформация сквозь призму синергетического подхода</i>	38
Бекешкина И.Э. <i>Становление электоральной социологии в Украине и традиция изучения избирательского поведения в странах развитой демократии</i>	48
Николаевский В.Н., Якуба Е.А. <i>Тенденции развития высшего образования и система оценки качества подготовки специалистов в вузе</i>	54
Астахова В.И. <i>Право на образование: европейский стандарт</i>	57
Навроцкий А.И. <i>Особенности менеджмента высшей школы в условиях ее инновационной трансформации</i>	61
Бурега В.В. <i>Уровни социальной адекватности менеджмента</i>	65
Хижняк Л.М. <i>Безлидерные организационные структуры как социальное явление</i>	72
Полторак В.А. <i>Обучение экономистов социологии: от общеобразовательного курса до профессиональной специализации</i>	77
Попова И.М. <i>Социологическая интерпретация как объяснение и понимание</i>	81
Сокурская Л.Г. <i>Качественные методы в контексте гуманизации социологического знания</i>	88
Подольская Е.А. <i>Личность: событие и со-бытие (методологические аспекты социологического исследования)</i>	93
Сохань Л.В. <i>Личность в водовороте социальных изменений: императивы XXI века</i>	100
Злобина Е.Г. <i>Динамика социальных представлений личности в контексте общественных изменений</i>	105
Бойко Н.Л. <i>Феномен социально-психологической зависимости личности и перспективы создания гражданского общества</i>	110

Городяненко В.Г., Гилюн А.В., Швидкая Л.И. <i>Городская молодежь в условиях трансформации общества: штрихи к социальному портрету</i>	115
Лантух А.П. <i>Студенчество – маргинальный опыт</i>	121
Арбенина В.Л. <i>Состояние и тенденции развития межнациональных отношений в г.Харькове (по результатам социологических исследований 1989-2000 гг.)</i>	128
Андрющенко А.И. <i>Система социальной защиты населения: проблемы эффективности</i>	140
Даниленко О.А. <i>Ценностные параметры классификации методик снятия конфликтных ситуаций</i>	147
Денисенко И.Д. <i>Формирование общей теории конфликта в контексте основных положений общей теории систем</i>	152
Шкода В.В. <i>Конец критики?</i>	156
Соболев В.А., Сердюк А.А. <i>Наркомания как объект социологического анализа</i>	167
Каменская Т.Г., Подшивалкина В.И. <i>Некоторые аспекты исследования образа потребления наркотиков в молодёжной среде</i>	173
Свеженцева Ю.А. <i>“Дилемма заключенного” как актуализация проблемы доверия в социологии</i>	177
Рущенко И.П. <i>Социология преступности: новая научная дисциплина – “старые” истоки</i>	181
Лисица Н.М. <i>Социальная норма и девиация в системе маркетинговых коммуникаций</i>	188
Сорока Ю.Г. <i>Комплексное использование дискурсивного и контент-анализа в исследованиях произведений массовой коммуникации</i>	192
Социологический факультет Харьковского национального университета им.В.Н. Каразина	197
Восточноукраинский Фонд социальных исследований	198
Требования к авторам	199

CONTENS

Bakirov V. <i>Sociology in the Context of Postmodern Reality</i>	9
Yakuba O. <i>Social Maturity of Intelligentsia as a Factor of Transformation of Society</i>	13
Pilipenko V., Titarchuk N. <i>Forming and Behaviour of "Middle" Class in Ukrainian Contemporary Society</i>	16
Sappa N. <i>Social Group of the Labourers of Intellectual Work: the Functional and Socio-Technological Approaches to the Analysis</i>	24
Pobeda N. <i>Sociocultural Dynamics in the States of Postsoviet Space</i>	30
Kutsenko O. <i>The Social Change and the Transformation Through the Synergetic Theoretical Approach</i>	38
Bekeshkina I. <i>The Development of the Electoral Sociology in Ukraine and the Tradition of Electoral Studies in Advanced Democracies</i>	48
Nikolayevskiy V., Yakuba E. <i>Tendencies of Development of Higher Education and System of an Evaluation of Quality of the Specialists Preparation</i>	54
Astahova V. <i>The Right for Education: the European Standard</i>	57
Navrotskiy A. <i>Peculiarities of Management of a Higher School in Conditions of its Innovate Transformation</i>	61
Burega V. <i>Levels of Social Adequacy of Management</i>	65
Khizhnyak L. <i>Non-leadership Organizational Structures as a Social Phenomenon</i>	72
Poltorak V. <i>Teaching Sociology to Economists: From General Course to Professional Specialization</i>	77
Popova I. <i>Sociological Interpretation as an Explanation and Understanding</i>	81
Sokuryanskaya L. <i>Qualitative Techniques in the Context of Humanization of Sociological Knowledge</i>	88
Podol'skaya E. <i>Personality: Event and Co-being (Methodological Aspects of Sociological Research)</i>	93
Sohan' L. <i>Person in a Whirlpool of Social Changes: the Imperatives of XXI Century</i>	100
Zlobina E. <i>The Dynamics of Social Perceptions of a Personality in the Context of Social Changes</i>	105
Boyko N. <i>The Phenomenon of Socio – Psychological Dependence of a Personality and the Perspectives of Creation of the Civil Society</i>	110
Gorodyanenko V., Gilyun G., Shvidkaya L. <i>Urban Youth in Conditions of Transformation of a Society: Strokes to a Social Portrait</i>	115

Lantukh A. <i>Student Community – Marginal Experience</i>	121
Arbenina V. <i>Condition and Tendencies of the Development of Cross-National Relations in Kharkov (According to the Results of Sociological Researchs 1989-2000)</i>	128
Andryuschenko A. <i>System of Social Protection of the Population: Problems of Efficiency</i>	140
Danilenko O. <i>Value Parameters of Techniques Classification for the Removal of Disputed Situations</i>	147
Denisenko I.D. <i>Construction of General Theory of Conflict in the Context of Main Ideals of General Theory of Systems</i>	152
Shkoda V. <i>The End of Critique?</i>	156
Sobolev V., Serdyuk A. <i>Drugs Addiction as a Subject of Sociological Analysis</i>	167
Kamenskaya T., Podshivalkina V. <i>Some Aspects of Research of Drugs Usage Image among Youngster</i>	173
Svezentseva U. <i>“Prisoner’s Dilemma” as Actualization of a Problem of Trust in Sociology</i>	177
Ruschenko I. <i>Sociology of Crime — Old Origins for the New Discipline</i>	181
Lisitsa N. <i>Social Norm and Deviance in System of Marketing Communications</i>	188
Soroka U. <i>Complex use of Discourse Analysis and Content-Analysis in Studies of Products of Mass Communication</i>	192
Sociology Faculty of the V.Karazin Kharkov National University	197
East Ukrainian Foundation for Social Research	198
The Requirements to the Authors	199

СОЦІОЛОГІЯ В ПОСТМОДЕРНІСТСЬКОМУ КОНТЕКСТІ

The new social reality stipulates its adequate comprehension in terms of sociology, creation of new methodological approaches and corresponding research procedures, theoretical implementation of some obvious realities of postindustrial social life.

Socio-cultural transformations which lead to postmodernism could not but influence the form and kind of sociology. Sociological science does not only demand another paradigmatic strategy, which is being developed in terms of the traditional idea of social life; but a new concept of social reality, a new set of notions and a new style of thinking corresponding to the transformed social reality.

The postmodernistic paradigm of sociology is probably not the only paradigm of post-non-classic science. Nevertheless, on the whole the formation of post-non-classic paradigms of sociology has not been completed yet, and in our society it has not even started properly.

Становлення нової соціальної реальності породжує необхідність її адекватного соціологічного осмислення, розробки нових методологічних підходів і відповідних дослідницьких процедур, теоретичного відтворення все більш зримих реалій постіндустріального громадського життя.

Соціокультурні трансформації, які породили постмодернізм, не могли не вплинути на форми і специфіку соціологічного знання. Соціології потрібна не просто ще одна парадигмальна стратегія, яка розробляється в рамках традиційного розуміння соціального життя, а потрібний новий погляд на соціальну реальність, новий набір понять, новий стиль мислення, співвіднесений із зміненою соціальною реальністю.

Постмодерністська парадигма соціології можливо не єдина парадигма постнекласичної науки. Проте в цілому формування постнекласичних парадигм соціології не тільки не завершено, але навіть ще не почалося по-справжньому, особливо, якщо говорити про наше суспільство.

Ключові слова: *постмодерністська парадигма, постмодернізм, постіндустріальне громадське життя, соціологічне осмислення, соціальна реальність.*

Соціокультурні трансформації, які породили стан культури, названий постмодернізмом, не могли не вплинути на форми і специфіку соціологічного знання.

Постмодернізм як культурне прямування і духовна атмосфера останнім часом все більше привертає до себе увагу людей, що міркують не тільки про мистецтво і художню творчість, але також і про соціальне життя, політику, економіку.

Більшість тих, хто розмірковує про "постмодернізм" погоджуються з тим, що це заперечення не якоїсь визначеної традиції, яка передбачає заміну її традицією новою, а заперечення традиції як такої. Це заперечення поняття "канон", а отже, і поняття "єресь", "синоптика" і т.ін. Це втрата негативного ставлення до понять, точніше до таких явищ, як запозичення, плагіат (у плагіаті вже не звинувачують, а навпаки, визнають його гідністю). Це – використання колажу, пов'язаного з рівноцінністю і сумісністю художніх стилів. Це навіть заперечення за мистецтвом, за творчістю художника, самої спроби репрезентації у своїх творах реальності. Якщо модернізм, найбільш авангардний, усе-таки стверджував, що він відтворює, відбиває, винаходить реальність, хоча й зображує якісь її сутнісні аспекти, недоступні звичайному погляду, то постмодернізм і не намагається і не хоче нічого зображувати або відображати. За всім цим стоїть достатньо визначена філософська позиція: світ – первинно не єдине, але множинне, існує не один людський світ, а множина незвідних один до одного світів, рівноцінних і рівноправних, і завдання художника не в тому, щоб пояснити, висловити, уявити, інтерпретувати світ людини, а в тому, щоб відповісти

Бакіров Віль Савбанович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри прикладної соціології, ректор Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна (т.: (0572) 45-72-55, e-mail: rector@univer.kharkov.ua; sociology@univer.kharkov.ua)

на запитання: про який із світів мова йде, що з ним робити, як у ньому жити, яке з багатьох моїх “я” має відношення до цього світу і що воно з ним повинно робити, а ще точніше, як воно може в ньому перебувати, точніше, як воно в ньому перебуває. Постмодерністське мистецтво зосереджене на тому, як ідентифікувати, відокремити визначений світ, знаючи, що він є лише одним із можливих і існуючих, і що будь-яке поглиблення в цей світ, художнє чи пізнавальне, не приведе до відкриття й обґрунтування загальної, універсальної істини. У кожного світу своя правда. Постмодерністський погляд на речі – це погляд на плюралістичний світ, точніше це погляд не на світ, а на плюралізм життя, що проходить у різних світах.

Плюральність, відсутність авторитетів, урівнювання ієрархій, інтерпретативна полівалентність – деякі з рис постмодерністського погляду на життя, модерністського мистецтва, і – більш широко – постмодерністської культури, або постмодерністського умонастрою.

Власне постмодернізм колись повинен був виникнути як простий результат нездатності людини жити у всій культурі: культури – надлишок, і особистість мусить визнавати, що вся культура не може бути її будинком, що вона не може одночасно жити у всіх кімнатах величезного палацу, вона може займати одну-дві-три-п'ять кімнат, але ті кімнати, у яких живуть інші люди, нітрохи не гірші, хоча це цілком інші кімнати.

Незважаючи на те, що засоби масової інформації уніфікують нашу свідомість, іде бурхливий процес її демасифікації. Цій тенденції суперечать спроби національно-культурного ізоляціонізму, спроби створити модерністські острови в постмодерністському океані. Але сучасне соціальне життя породжує постмодерністські умонастрої, тому що воно являє собою співіснування величезної кількості ієрархічно не супідрядних культур, що протистоять аксіологічному, і навіть темпоральному упорядкуванню: наскрізна риса сучасного життя – відсутність авторитету, який претендує на універсальність. “Як і постмодерністське мистецтво, постмодерністська культура приречена залишатися безладною, плюралістичною, ризомічно зростаючою, позбавленою напрямку” [1, р.799].

Постмодерністський погляд на світ, на думку Баумана, є поглядом на світ як на “процес, що самоконститується і самоскеровується, нічим не детермінується, крім своєї власної рушійної сили, і не вписується ні в яку схему” [1, р.799]. Постмодернізм характеризується поглядом на світ як незворотно плюралістичний, розколотий на велику кількість суверенних одиниць, неорганізований ні в горизонтальному, ні у вертикальному порядку. Цей погляд на світ як на світ, що складається з невизначеної кількості чинників, що породжують значення, всі порівняно самодостатні і автономні, має свою логіку і свої засоби оцінки. З політичної точки зору постмодерністський підхід ніяк не збігається з домінуючою у нас тенденцією абсолютизації й універсалізації західного досвіду, перетворення його в загальнолюдську цивілізаційну матрицю.

Якщо модернізм бере за одиницю культурного і політичного відліку суспільство – державу, соціетальні, державно організовані системи, то постмодернізм, говорячи про соціальний простір людського життя, зміщує акцент на співтовариства і їх плюральність. Основне значення поняття “співтовариство”, за Бауманом полягає в його співіснуванні з іншими співтовариствами. Нові співтовариства засновані не на інтеграції, економічній систематизації або визначеній ідеології. Вони засновані лише на своїй власній діяльності, у них немає синхронізації дій, орієнтованих на істину і значення. “Таким чином, найважливішим теоретичним завданням стає не визначення меж, а підтримка просторових меж, і розподіл влади є складним практичним завданням” [1, р.801].

Соціологія в епоху постмодернізму вступила в конфронтацію зі стратегією раціонального аналізу суспільства, яке розуміється “як нація-державна”. В основі такого “ортодоксального погляду на соціальну реальність лежав образ соціальної системи – “синонім упорядкованого, структурованого простору взаємодії, у якому можливі дії були визначені механізмами домінування і спільністю цінностей” [1, р.803].

Спробам відійти від старих принципів, якось уловити дух нового часу, досягнути зміст навальних суспільних змін і знайти нову парадигму дали сильний імпульс роботи

С. Гарфінкеля, що намагався показати своєю технікою тендітність і ламкість соціальної дійсності, її інтерпретаційну, розмовну основу. Ще раніше А. Шюц знав, що системна організація суспільства розчиняється в множині реальностей і світів значень. Великий вплив на постмодерністські пошуки в соціології зробили ідеї Вітгенштейна про мовні ігри. На думку визначного теоретика постмодернізму Ж.-Ф. Леотара, наука в постмодерністському світі втрачає свою дискурсивну єдність і перетворюється в набір мовних ігор, культура ж втрачає свою систематизуючу, регулюючу функцію і також розпадається на ряд мовних ігор[2]. Відіграли тут свою роль і праці Х.-Г. Гадамера, зокрема його ідея бачення світу життя як комунально зробленого і традиційно оціненого зібрання значень.

Соціолог-постмодерніст, що визнає головну роль співтовариства стосовно виробництва значень і свердження істини, перебуває в ролі інтерпретатора, завдання якого полегшити комунікацію між співтовариствами і традиціями, процес проникнення в далекі культури, "озвучення культур", що можуть залишитися "непочутими".

З'являються статті, дослідження, у яких говориться про те, що соціологія повинна вирішити сьогодні завдання стратегічного пристосування. Вона повинна стати співзвучною новій постмодерністській культурі, порвавши з онтологічними і епістемологічними основами модернізму та перетворитися, трансформуватися в постмодерністську соціологію. Так завдання випливає з того, що соціології потрібна не просто ще одна парадигмальна стратегія, яка розробляється все-таки в рамках традиційного розуміння соціального життя, а потрібний новий погляд на соціальну реальність, новий набір понять, новий стиль мислення, співвіднесений із зміненою соціальною реальністю.

З'явилося чимало робіт, що розмежовують соціологію постмодернізму і постмодерністську соціологію. Так, З. Бауман розуміє постмодернізм як посткультурну ситуацію наступної епохи і робить висновок про те, що соціологи замість створення постмодерністської соціології повинні розвивати соціологію постмодернізму, що досліджує симптоми глибокої трансформації соціального світу [1, р.800-813]. Багато західних соціологів вважають, що сама соціологія повинна стати постмодерністською, називають її попередницею франкфуртську школу, а першим постмодерністським соціологом – Ю. Хабермаса з його теорією комунікативної дії і комунікативної раціональності.

Слід зазначити, що постмодерністська парадигма соціології можливо не єдина парадигма постнекласичної науки. Можна пригадати етнометодологію і феноменологічну соціологію, що формувалися раніше постмодерністської соціології з більшою методологічною певністю. Проте в цілому формування постнекласичних парадигм соціології не тільки не завершено, але навіть ще не почалося по-справжньому, особливо, якщо говорити про наше суспільство. Не слід при цьому впадати в чергову крайність – у чергове запозичення західних зразків, так само як і в їхнє заперечування. Оскільки зміна соціологічних парадигм зумовлена на Заході цивілізаційними зсувами в сторону постіндустріалізму, природною є більш рання поява цих форм методологічного пізнання. Мода на постмодернізм у нашій країні не цілком відповідає завданням соціального і соціологічного пізнання сьогоднішнього дня і поширена швидше як гра молоді інтелектуальної еліти, далеко не завжди пов'язана із серйозною науковою і художньою відповідальністю, реальним інтересом до важких проблем громадського життя.

Тому відзначені парадигмальні зсуви справедливо розглядати не стільки як факт, скільки як тенденцію, що наростає при переході до постіндустріалізму. Оскільки дана соціальна перспектива для нас відкрита і навіть бажана, відзначені методологічні зміни соціології у своїй перспективі дуже очевидні і ймовірні.

Таким чином, можна констатувати істотні розходження класичного і некласичного варіантів філософсько-соціологічної інтерпретації соціальної реальності, що зумовили виникнення й реалізацію в соціальному пізнанні як натурцентристської, так і культурцентристської дослідницьких програм. Незважаючи на, здавалося б, непереборні розходження в тлумаченні вихідних принципів і категорій аналізу громадського життя, обидві ці програми в розумінні глибинної онтології соціальної реальності – (співвідношення

соціальних структур і соціальної діяльності), виходять із явної або неявної передумови – первинності стійких соціальних структур людської життєдіяльності стосовно конкретних і унікальних форм індивідуального людського існування. І натуралістсько-позитивістські, і культурно-гуманітарні, і соціально-номіналістичні, і соціально-реалістичні підходи витлумачують соціальну реальність як передзаданий порядок людської дії і взаємодії. Таке розуміння соціальної реальності є ні чим іншим, як своєрідною філософсько-соціологічною констатацією реальної соціальної архітекτονіки індустріального суспільства, яка виростає з технології масового промислового виробництва, що робить можливим вимір і облік “абстрактної” пряці. Така технологія створювала структуру особливих (таких що калькуюються і раціоналізуються) суспільних зв’язків, перетворювала соціальне життя на поле тотального панування “формальної раціональності” (М.Вебер). Тому соціологічні теорії, незалежно від їх антинатуралістських або натуралістських філософських орієнтацій, виключали зі свого методологічного арсеналу принцип індивідуальної об’єктності, індивідуальної людської незамінності. Людський індивід явно або неявно був присутній у соціологічному поясненні лише як деталь, елемент соціально-виробничого механізму. Уявлення про “людину-функцію”, “людину-гвинтика” було фундаментальним архетипом соціологічного мислення індустріальної епохи.

Ціннісні структури у світлі такого розуміння соціальної реальності не могли аналізуватися соціологами інакше як у ролі інструмента соціальної інтеграції, виробництва і відтворення раціональної культури соціальної взаємодії.

Функціонування ціннісної свідомості в постмодерністській соціокультурній ситуації підпорядковане цілком іншим принципам, що потребує не простого уточнення або доповнення окремих методологічних підходів, а переходу до антропоцентристських парадигм постнекласичної соціології. Становлення нової соціальної реальності породжує необхідність її адекватного соціологічного осмислення, вироблення нових методологічних підходів і відповідних дослідницьких процедур, теоретичного відтворення усе більш зримих реалій постіндустріального громадського життя. Можна зазначити ряд нових методологічних регулятивів, спроможних розвинути в нову дослідницьку програму, що орієнтує соціологічне мислення на: 1) перегляд фундаментальних теоретичних уявлень про людину як продукт соціального середовища і прийнятих у ньому культурних моделей поведінки, на аналіз механізмів вільного світоглядного ціннісного визначення індивіда як суб’єкта соціально-історичної творчості; 2) визнання плюралізму культурних світів і подолання всіх форм локального культурцентризму; 3) дослідження людської активності в полі дії загальнолюдських культурних імперативів; 4) вивчення антропогенних чинників і механізмів організації соціальних процесів, конкретних форм і структур громадського життя; 5) аналіз живої тканини громадського життя, дослідження й опис деталей повсякденного людського існування, проникнення в “мікросвіт” повсякденності, пізнання механізмів їх взаємодії із соціально-груповими, соціетальними і мегасоціумними структурами суспільних відносин.

Література:

1. Baumann Z. Sociology and Postmodernity // Sociological Review. – Keele, 1988. Vol.36. n.4.
2. Lyotard I. – F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge // Theory and History of Literature. Vol.10. Manchester Universiti Press, 1989.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

The article focuses on the role of the intelligentsia in the transforming society, in particular, on its role in the development of the social culture. The author works out a definition of the social culture of which the intelligentsia, is an active subject. The integrating role of the intelligent in the modern society is growing which determines the tasks of higher education as to form the social culture of a specialist and his/her intelligence.

У статті йдеться про роль інтелігенції у суспільстві, що трансформується, зокрема про значення інтелігенції для розвитку соціальної культури суспільства. Автор підкреслює, що інтелігенція є суб'єктом інформаційної цивілізації, носієм духовності, менталітету народу, активним суб'єктом соціальної культури.

В умовах сучасного суспільства підвищується роль цих функцій.

Ключевые слова: интеллигенция, социальная культура общества, информационная цивилизация, субъект социальной культуры.

Важнейшим элементом социального механизма трансформации общества является социальная зрелость групп. Она предполагает осознание своего положения, общности интересов, ценностей, сути происходящих социальных процессов, их специфики, т.е. формирования особого социального сознания. Группа становится социально зрелой, когда она осознает свои собственные интересы, ценности, функции, формулирует нормы, цели и задачи деятельности, понимает особенности социального взаимодействия в современных условиях.

На становление социальной зрелости больших социальных групп оказывают влияние (если иметь в виду самый широкий план рассмотрения) три вида факторов: общецивилизационное развитие общества, исторически традиционные формы социальных отношений, ситуационные моменты, связанные с особенностями конкретного этапа развития.

Социальное взаимодействие предполагает взаимное влияние социального сознания различных групп и становление социального сознания общества в целом.

В современном обществе особое значение в становлении социальных процессов приобретает социальная зрелость интеллигенции. Именно интеллигенция как образованная часть общества, занятая квалифицированным умственным трудом [1] является носителем, субъектом информационной цивилизации. Интеллигенция всегда является носителем социальной памяти, менталитета народа, духовности. По своему положению в развитых странах она представляет собой растущую образованную часть среднего класса, придающего устойчивость всему обществу.

Современные исследователи предлагают такие основания для выделения среднего класса как размеры, срединное положение между "верхами" и "низами", большую образованность, относительно благополучное "устойчивое" материальное положение, определяющее оптимизм, удовлетворенность жизнью в целом [2, 3]. Подчеркивается, что в силу этих особенностей средний класс может выполнять роль социального стабилизатора, культурного интегратора. Обладая значительным деятельностным потенциалом, он может выступать носителем прогресса. Именно этим признакам отвечает интеллигенция.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что интеллигенция является носителем, субъектом социальной культуры.

История свидетельствует, что в различных странах в определенные периоды развития интеллигенция была носителем и прогрессивных освободительных идей, гуманизма, рево-

Якуба Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-74-05)

люційного романтизму.

Соціальна культура – це не що інше, як чутливість к інтересам других, їх розуміння, спроможність к сопереживанию, непримириме отношение к ущемлению интересов, достоинств других, высокая толерантность, активное отстаивание высоких гуманистических принципов, установка на борьбу с несправедливостью. Ярким выражением социальной культуры является такое качество интеллигенции, как интеллигентность. Это высшее выражение духовности личности как ориентации на высокие идеалы, идеи служения миру, обществу, высокие нравственные ценности, соединенные с социальной чувствительностью. Отсюда такие признаки интеллигенции, как самоотверженность, подвижничество, порядочность, благородство и др.

Сохраняет ли интеллигенция свои функции, качества в трансформирующемся кризисном обществе?

Исследователи фиксируют изменения в социальном положении интеллигенции: резко ухудшилось материальное положение, большая ее часть поставлена на грань выживания, лишена возможности выполнять собственные функции, отброшена в низший класс. О том, что эти изменения осознаны, говорит сравнение отношения интеллигенции к своему статусу в предшествующий период и в настоящее время. Большинство склонны отнести себя к более низкой группе. Так 42,9% респондентов из группы специалистов-гуманитариев отнесли себя к низшему классу, в то время как в конце 80-ых таких было только 1,8% [4].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с пессимистическим выводом, который делают В.В. Радаев и О.И. Шкаратан, что в результате перехода к рынку интеллигенция как особое образование исчезает, распадается на профессионалов и деклассифицирующуюся часть, переходя в низшие слои [5]. От того, что значительная часть интеллигенции отброшена в низшие группы, она не перестает быть носителем культуры. По своему социокультурному потенциалу интеллигенция – всегда особая целостная социальная категория. Это относится к различным группам интеллигенции. Не могу согласиться с участниками дискуссии “Динамика социальной структуры...”, которые отнесли к перспективным средним слоям (в смысле вхождения в средний класс) только предпринимателей и специалистов, обеспечивающих функцию рынка (бухгалтеры, экономисты, менеджеры и т.п.). Гуманитарная интеллигенция и другие категории исчезли из средних слоев. Материальное положение, включенность в рыночные отношения – это не единственные показатели социальной зрелости. Уровень развития социально-классовых образований определяется не только доходом, но и занятостью, образованием, квалификацией, отношением к власти, социальным статусом. В качестве показателей необходимо рассматривать характер и уровень активности, стиль жизни, уровень социально-классовой идентификации, социальный оптимизм и другие моменты.

Пути становления среднего класса связаны с совершенствованием социальных институтов, обеспечивающих развитие средних слоев, в частности, с совершенствованием социальной политики государства. При этом поддержка интеллигенции имеет не меньшее значение, нежели поддержка и защита частного собственника. Интеллигенция определяет развитие социальной культуры, взаимопонимания и сотрудничества различных социальных сил.

О жизнеспособности интеллигенции, специалистов свидетельствует тот факт, что на их основе возникли новые социальные группы предпринимателей и то, что представители интеллигенции все чаще сочетают осуществление собственных функций интеллигенции с формами деятельности, связанными с включением в рынок.

Социальная трансформация нашего общества, усиление его социальной дифференциации и поляризации в 90-х годах делает проблему развития социальной культуры особенно актуальной. Большинство социальных групп нуждаются в поддержке, социальной помощи друг друга, государства, общества. В этих условиях современная высшая школа не может ограничиваться подготовкой образованного и цивилизованного специалиста. Элементарная цивилизованность означает признание плюрализма интересов, ценностную терпимость, готовность к взаимодействию, к компромиссам во имя утилитарных целей. Необходимы принятие и понимание интересов других, готовность к социальной защите слабого, предпочтение общечеловеческих ценностей, т.е. необходима социальная культура.

Представляется в связи с этим, что одной из важных задач высшей школы необходимо рассматривать задачу формирования социальной культуры специалиста. Именно эта задача должна лежать в основе воспитательной концепции высшей школы.

Только интеллигентность может противостоять развитию бездуховности, циничности и обеспечить формирование позитивной социальной активности личности. Интеллигентному человеку присуща особая сверхнормативная активность, носящая нравственный характер, предполагающая последовательное отстаивание гуманных норм, единство целей и средств деятельности и отрицание при этом насильственных методов, средств как несоответствующих высоким гуманным общечеловеческим целям.

Несомненно, интеллигентность присуща не всем представителям интеллигенции. Вместе с тем, именно интеллигенция вследствие того, что она является носителем знания, культуры, способна стать наиболее глубоким выразителем социальной культуры. И в этом плане влияние интеллигенции на становление гуманных интегрирующих норм в обществе ничем заменить нельзя.

Выполнима ли эта задача?

Формированию интеллигентности в наших вузах содействует тот факт, что это качество имеет глубокие исторические корни в духовности, коллективизме славянских народов. Его истоки связаны с преобладанием коллективистского сознания, с ориентацией на общину, служение миру, с соборностью, которые сформировались давно под влиянием в значительной степени православия и продолжали развиваться в последующий период истории.

Многочисленные социологические и социально-психологические исследования 90-х годов свидетельствуют об устойчивости, стабильности базовых ценностей, характеризующих ментальность народов. В глубинных слоях сознания сохранились прежние представления о социальной справедливости как вознаграждении за труд, об особом значении служения обществу, о роли коллективных начал общественной жизни и т.д.

Задачи формирования у специалиста социальной культуры требуют приобщения к особому социальному знанию социальных процессов, социальных проблем, что может быть дано в курсах социальной политики и социальной работы. Представляется, что следует вводить эти предметы не только в качестве специальных дисциплин по подготовке социолога, социального психолога, но и в качестве общеобразовательных для подготовки всех специалистов. Но главное, необходимо практически включать будущего специалиста в социальную жизнь, в различные виды деятельности, движения, наполненные гражданским нравственным смыслом, вырабатывать у них умения и навыки гуманного взаимодействия, социальной помощи.

Видимо настало время объединить участие студентов в волонтерском движении, помощь социальным службам, комитетам по делам семьи и молодежи, инвалидам и участие в службах Паблик Рилейшнз в единую систему социальной практики студента.

Для облегчения вхождения специалиста в рынок необходимо создавать в вузах не только информационные центры, которые могли бы систематически информировать о рабочих местах, но и помогать в методическом и психологическом планах, вооружая соответствующими методичками, памятками: как вести себя в офисах, отделах кадров, как подчеркнуть достоинства, преимущества полученного образования, как продемонстрировать уровень профессиональной и социальной культуры.

Литература:

1. Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. Социально-философский анализ. — Киев: Политиздат Украины, 1986.
2. Аберкромби Н, Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1997;
3. Заславская Т.И., Громов Р.Г. К вопросу о среднем классе // Мир России, 1998, №4;
4. Якуба Е.А., Куценко О.Д. и др. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. — Харьков, Основа, 1997.
5. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. — М., 1996.

ФОРМУВАННЯ ТА ПОВЕДІНКА “СЕРЕДНЬОГО” КЛАСУ В СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ

The process of “middle” class forming in Ukraine is connected with transforming of two social groups of society: elite and professionally trained of workers (intelligentsia, highskilled workers, entrepreneurs and farmers). For “middle” class separating it’s possible to use the complex of indices: level of life and it’s quality; level of education and culture; market type of labour behaviour; social-psychological aim at family well-being; individual development and improvement. The perspectives of development of new “middle” levels are directly connected with forming of private sector and service sphere.

Процес формування “середнього” класу в Україні пов’язаний із перетворенням двох соціальних груп суспільства: еліти та професійно підготовлених працівників (інтелігенції, висококваліфікованих прошарків робітничого класу, підприємців та фермерів). Для виокремлення “середнього” класу можна використати комплекс показників: рівень життя та його якості; рівень освіти та культури; ринковий тип трудової поведінки; соціально-психологічні установки на сімейний добробут, індивідуальний розвиток та вдосконалення. Перспективи розвитку нових “середніх” прошарків безпосередньо пов’язані з формуванням приватного сектора та сфери послуг.

Ключові слова: суспільство, “середній” клас, соціальна структура, формування, поведінка, ринкові перетворення.

В рамках дослідження трансформації соціальної структури суспільства в перехідний період, вироблення зразків трудової поведінки населення заслуговує на серйозну увагу проблема формування “середнього” прошарку, або “середнього” класу. Адже існування потужного “середнього” класу є гарантією політичної стабільності, дає змогу вибирати й проводити поміркований курс в економіці, соціальній та політичній сферах суспільства.

Сучасні дослідження виробили певний зміст поняття “середній клас”. До останнього відносять наукових та інженерно-технічних працівників, управлінський, адміністративний персонал, інтелігенцію, яка працює за наймом, міських і сільських дрібних власників (за умови, що вони не обіймають високих посад), у тому числі більшу частину селянства та фермерства, робітників високої кваліфікації, працівників сфери обслуговування.

“Середні” прошарки сучасних західних країн є дітищем індустріального суспільства, в якому поточні методи виробництва створюють високотехнологічні предмети споживання, забезпечуючи зростання рівня та якості життя найбільш масової та економічно активної частини населення. Критерії виокремлення “середнього” класу суспільства групують у два різновиди: об’єктивний та суб’єктивний. До першого різновиду належать рівень прибутку, освіта, професійний статус. Другий різновид включає самооцінки індивідом свого соціального статусу, кола спілкування, способу життя. За оцінками західних дослідників, “середній” клас, відокремлений за такими критеріями, становить у США та розвинених країнах Європи близько сімдесяти відсотків населення.

Взагалі заведено розрізняти “традиційні” або “старі” “середні” прошарки (які об’єднують дрібних власників) та “нові” середні” прошарки, що включають осіб, які володіють інтелектуальною власністю, розвиненими навичками складної трудової діяльності (менеджери, інтелігенція, представники “вільних” професій, висококваліфіковані робітники). Тенденції розвитку соціальної структури у розвинених країнах йшли останнім часом у

Пилипенко Валерій Євгенович – доктор соціологічних наук, дійсний член Українського товариства “Інтелект нації”, академік Української академії політичних наук, провідний науковий співробітник Інституту соціології НАН України (т.: (044) 291-55-30)

Титарчук Микола Олександрович – здобувач Інституту соціології НАН України (т.: (044) 291-55-30)

напрямку скорочення частки "традиційних" та зростання частки "нових" "середніх" прошарків.

Процес формування "середнього" класу у нашій країні пов'язаний з перетворенням як мінімум двох соціальних груп суспільства. Перша група (умовно її можна назвати "еліта"), яка може бути виокремлена за рівнем прибутків (який можна зіставити з доходами "середнього" прошарку в розвинених країнах), включає в себе партійно-бюрократичну еліту, керівників галузей, великих підприємств, верхній прошарок управлінського персоналу, незначну частину вчених та технічних спеціалістів, а також такий прошарок робітничого класу, який суміщував продуктивну працю з виконанням партійно-бюрократичних функцій.

Друга соціальна група, яка є джерелом формування "середнього" класу суспільства, — це численні професійно підготовлені працівники, які складають масові загони інтелігенції, висококваліфіковані прошарки робітничого класу, фермерства. Саме їхня незадоволеність своїм соціально-економічним становищем, рівнем життя порівняно як з "елітою" всередині країни, так і з аналогічними групами на Заході стають потужною соціальною базою переведення економіки на ринкові рейки, у боротьбі за демократизацію суспільства.

Якщо ж брати нинішній перехідний період, то структура та соціальні позиції "середнього" класу є досить невизначеними. Справа в тому, що на тлі виникнення класів у власному розумінні цього слова характеристики "середнього" класу також знаходяться у стадії оновлення: відбуваються одночасно процеси формування та структурування "середнього" класу. І нині ще важко проводити зіставлення "середнього" класу перехідного українського суспільства з "середнім" класом країн з розвинутою ринковою економікою.

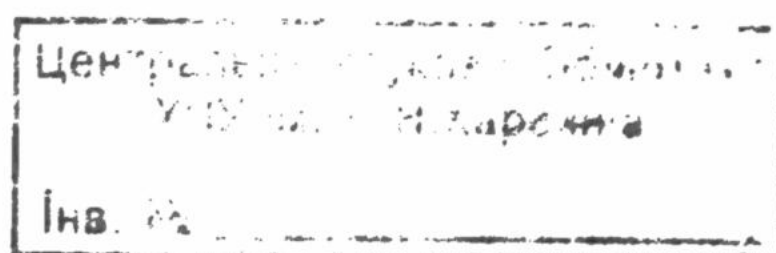
Для сучасного індустріального (й тим більш постіндустріального) суспільства "середні" прошарки є тим елементом соціальної структури, який є тотожним відмиранню самої біполярної, дихотомічної класової структури. Для нашого суспільства (яке ідейно розпрощалося з тоталітарним минулим, де офіційно визнавали лише три елементи соціальної структури) досить важко визначити характеристики "середнього" класу, який тільки ще народжується. Але, безперечно, його не можна виокремлювати лише за медіанним значенням прибутків.

Методологічно точніше буде використати комплекс показників: рівень життя та його якість; рівень освіти та культури (який дозволяє виконувати висококваліфіковану роботу або керувати підприємством, фірмою, організацією); тип трудової поведінки, зорієнтований на ринкову форму господарювання поряд з прагненням до самостійності та незалежності; соціально-психологічні установки на сімейний добробут, індивідуальний розвиток та вдосконалення.

Політичні ж орієнтації визначаються загалом демократичними принципами, законослухняністю та вимогами до держави захищати закони та права людини. Важливим у цьому переліку є також престиж трудової діяльності, престиж способу життя, кола спілкування. Таким чином, є очевидним, що сучасні уявлення про "середній" клас, наявні для західних суспільств, дозволяють говорити про "середні" прошарки в українському суспільстві лише гіпотетично.

Сучасне українське суспільство демонструє свій "унікальний" шлях у плані формування "середнього" класу. Історично "традиційні" "середні" прошарки за роки радянської влади були втрачені і їх треба відроджувати по-новому. "Нові" ж "середні" прошарки мало нагадували аналогічні прошарки розвинених країн Заходу. По-перше, вони не є масовими, хоча під впливом науково-технічного прогресу відбувалося підвищення загальної та середньої спеціальної освіти, був сформований достатньо численний прошарок спеціалістів, у тому числі у найбільш сучасних галузях науки та техніки. Але переважна більшість працівників за рівнем доходів знаходилася нижче традиційних груп робітничого класу.

За наших вітчизняних умов відбувався нерівномірний науково-технічний розвиток по галузях виробництва. Найбільш кваліфіковані прошарки спеціалістів та робітників (потенціал "середніх" прошарків) нагромаджувалися в науці та галузях воєнно-промис-

дового комплексу, які із згортанням бюджетного фінансування опинилися на грані банкрутства. Посилився вплив кваліфікованих кадрів, у тому числі й за кордон. Але поряд із зовнішньою існує й внутрішня міграція, коли фахівці йдуть в інші сфери. Таким чином, відбувається реальне скорочення у суспільстві інтелігенції, яка б залишилася відданою своїй професійній підготовці. По-друге, практично були відсутні у суспільстві представники "середніх" прошарків, які є породженням ринкових відносин, а саме спеціалісти з маркетингу, банківської справи, ринково зорієнтовані управлінці, підприємці, фермери.

Отже, можна зробити висновок, що і "старі" і "нові" "середні" прошарки існували у нашому суспільстві лише потенційно. І можливість для них стати реальними суб'єктами соціального та економічного життя великою мірою буде залежати від перебігу ринкових перетворень в українському суспільстві.

Характерною рисою дрібного та середнього бізнесу в нашій країні є те, що він являє собою породження економічної системи неринкового типу, несе в собі особливості "темних" та "сірих" економік. Внаслідок цього пріоритетний розвиток отримують невиробнича, торговельно-опосередкована та лихварська діяльність, орієнтація на суперприбуток не шляхом прискорення обігу капіталу, а, навпаки, шляхом підвищення цін на товари та усунення конкурентів.

Прагнення створити монополію у торгівлі та виробництві поєднується із активною взаємодією з владними структурами. При цьому природними є відсутність ринкової культури, ділової етики, ігнорування моралі та суспільних норм. Політичний, духовний та культурний досвід народу несе за нових економічних умов конфліктний характер, який полягає у зіткненні ментальних та культурних характеристик з реаліями ринкової економіки вітчизняного гатунку.

Але для ефективного розвитку економіки, переведення її на ринкові рейки, для виходу з кризи необхідно найближчим часом сформувати клас власників, які несли б відповідальність за результати своєї діяльності. І те, що частина "еліти" може стати повноцінним суб'єктом ринку, не повинне гальмувати процес знаходження власністю господаря. Тим більше, що спроби завадити цьому процесові позитивного результату не дають. Адже свобода в економічній сфері несумісна з формуванням прошарку власників за політичними принципами.

Певну збалансованість і демократичну спрямованість традиційним "середнім" прошарком може надати поповнення із соціальної групи, яку можна розглядати як друге джерело формування "середнього" класу суспільства. Йдеться про професійно підготовлених працівників, загони інтелігенції, кваліфіковані прошарки робітничого класу, фермерів. Першим каналом, який дозволив цій соціальній групі включитися у ринкові відносини, став розвиток альтернативного сектора економіки – кооперативних, спільних підприємств, фермерських господарств. Підприємці ж склали "першу хвилю" у "середньому" прошарку, що формувався.

"Перша хвиля" підприємців великою мірою містила не "ділових" людей, а так звану "фарцу" – численну групу нуворишів, які "збили" (хоча й невеликі) капітали доволі легко, діючи за схемою, відпрацьованою за умов економічного безладдя та порожнечі споживчого ринку, який вони, розмножившись, хутко захопили третьосортною продукцією й лише завдяки унікальності якого вони й тримаються на поверхні. Але саме ця "перша хвиля" підприємців, яка багато в чому складалася з людей авантюрного типу, підготувала масову свідомість до сприйняття підприємництва, комерційних банків та інших ринкових інституцій.

І у подальшому в підприємництво активно включаються й представники колишньої номенклатури, порушеної системи управління, інших груп та прошарків суспільства. Дедалі більша кількість підприємців починає випробовувати себе в малому та середньому бізнесі, хоча стартовим капіталом володіють далеко не всі. Саме в той час були створені численні малі підприємства, які (користуючись перевагами знаходження в системі державного забезпечення, дешевою робочою силою) організували виробництво продукції, яку

реалізували за вільними ринковими цінами. Оплата праці на таких підприємствах була значно вищою, ніж на державних, і це забезпечило приплив кваліфікованих працівників.

У принципі наступна хвиля підприємців повинна була б дедалі більше включатися в сферу виробництва. Процеси приватизації та роздержавлення створювали для цього певні передумови. Але, на жаль, неефективна й нерозумна податкова політика, відсутність реальної державної підтримки малого та середнього бізнесу не дали змоги цій хвилі “набрати висоту”. Разом з тим, позитивним треба визнати той факт, що у суспільстві з’явилася певна готовність населення до участі у ринковому господарстві. Підприємець став нормативною фігурою у суспільстві, й розвиток приватного підприємництва набрав силу. Саме підприємці є головним “компонентом” структури “середнього” класу.

Непростим є становище “нових” “середніх” прошарків у суспільстві. Потенційно соціальна база для формування цих прошарків є досить широкою. В першу чергу це стосується спеціалістів з вищою та середньою спеціальною освітою, зайнятих у народному господарстві і за своїм соціальним статусом зведених по суті до ролі найманих працівників з дуже низьким рівнем доходів. Саме вони, як свідчать дані соціологічних опитувань, підтримують ідеї ринкового шляху розвитку. У переході до ринкової економіки вони бачать можливість покращити своє матеріальне становище, реалізувати свій творчий та інтелектуальний потенціал.

Деякі спеціалісти знайшли себе у бізнесі, підприємстві. Але більшість зберігає “відданість” своїй професії, постійно відчуваючи на собі зниження життєвого рівня. За роки так званої перебудови вони були відсунуті на гірші позиції порівняно з підприємцями. Цінність інтелектуальної праці відчутно зменшилась, а порівняно з рівнем життя відповідних груп у західних країнах вона впала практично до нуля. Це й зумовило (поряд з іншими чинниками) вплив спеціалістів за кордон.

Не можна не зупинитися на процесі розвитку ринкових реформ у нашому суспільстві. Останні проводяться за умов децентралізації, послаблення ролі держави. А це призводить до того, що знижується можливість маневру, зменшується запас міцності. Для окремих груп населення (які максимально залежать від держави) “мінімізація” державної допомоги призводить до істотного погіршення життєвих умов, зниження прожиткового мінімуму. Саме нові “середні” прошарки, а також студенти (тобто потенційні кадри “середнього” класу) витіснені на периферію державних інтересів, тобто відбувається тектонічне зрушення у професійній структурі суспільства, а саме втрата інтелектуального потенціалу останнього. По суті починається підрив відтворення інтелектуальної сфери суспільства.

Одним з головних і досить тривожних процесів, які відбуваються в суспільстві, є процес розмивання (й вимивання) інтелігенції (як потенційної бази “середнього” класу), який перебігає у низці напрямків. Перший напрямок пов’язаний із становленням нової державності, в зоні якого представники інтелігенції йдуть у владні структури, стають чиновництвом, бюрократією, номенклатурою. Другий напрямок впливу інтелігенції викликаний тим, що за умов переходу до ринку (у зв’язку з різким падінням заробітної плати в державному секторі економіки) багато представників інтелігенції змінюють професію, йдуть із сфери інтелектуальної праці. Нарешті, третій напрямок (який ми заторкували вище) – це зовнішня міграція, від’їзд за кордон спеціалістів, учених, письменників, діячів культури. Тобто йдеться про втрату країною талантів, умінь, професіоналізму, компетенції. Наслідки цих процесів – руйнування інтелектуального, морального фонду держави, відкидання її на багато років назад.

Істотним чинником, який впливає на процес формування та поведінку “середнього” класу, є масова свідомість. Роль масової свідомості, духовної організації конкретних членів суспільства та презентованих ними спільнот у забезпеченні умов їх “виживання”, функціонування та розвитку як суб’єктів економічної, політичної та соціально-культурної діяльності визначена тією обставиною, що людська поведінка (як це визнавали і К.Маркс, і М.Вебер), навіть будучи підпорядкованою зовнішнім, матеріальним умовам та вкоріненою в матеріальних потребах, є осмисленою. Навіть тоді, коли осмисленість ця не здається

очевидною.

“Об’єктивні” передумови людської діяльності не діють автоматично. Вони сприймаються, рефлектуються – усвідомлюються й переживаються – людьми. І тільки таким чином перетворюються на стимули їхньої діяльності, поведінки, вчинків. “Суб’єктивні” емоції, ідеї, уявлення, вірування людей виявляються в одних випадках потужними стимуляторами, а в інших – настільки ж потужними обмежувачами їхнього спілкування, активності.

Уявлення про масову свідомість як дзеркало, в якому відбивається структура суспільства та влади, звичайно, повинно розглядатися лише як метафора – незалежно від того, якою в дійсності є “відображувальна здатність” цього “дзеркала”. Поведінка людини детермінується не тим становищем, яке вона “в дійсності” займає у своєму соціальному оточенні, а тим, якої ідеальної форми це оточення набирає в її свідомості. Самоідентифікація являє собою матерію більш складну, ніж це може здаватися, якщо розуміти порівняння масової свідомості з дзеркалом буквально.

Респонденти, які репрезентують “трудову інтелігенцію”, частіше, ніж підприємці та особливо “номенклатура”, пов’язують можливість та перспективу консепсіалізації (або дестрафікації) суспільства, збільшення “прозорості” стратифікаційних бар’єрів з установленням взаєморозуміння та співробітництва між індивідами з різною духовною організацією. Водночас можливість взаєморозуміння та співробітництва між людьми з різною духовною організацією знаходиться поза полем зору групи, яка репрезентує головну масу населення, – так званих “робітників”.

Реалізація “імперативу виживання” є з точки зору респондентів, які репрезентують “простих” робітників, “дрібних” службовців та “трудову” інтелігенцію, справою в першу чергу “інших людей” (суспільства, держави) й лише в другу чергу (якщо не в останню) – предметом їхньої власної турботи. Представники істеблішменту пов’язують перспективу власного та загального “виживання” із своєю особистою відповідальністю значно частіше, ніж це роблять “прості” робітники, “дрібні” службовці та “трудова” інтелігенція. Останні вважають, що головну відповідальність за їхню власну безпеку (так само, як і за їхній економічний добробут) повинні нести в першу чергу “інші люди”. Тобто хто завгодно, тільки не вони самі.

Така ситуація є підґрунтям перетворення теорії протистояння “прогресивної еліти” та “відсталих мас” на ідеологію реформування, ідеологію, яка спрямовує владу на пошук політичних прихильників у середовищі істеблішменту, в першу чергу серед промислового директорату та впливових підприємців. Така ідеологія начебто виправдовує не увагу владних структур до необхідності залучення “мас” до участі не тільки в реалізації рішень, схвалюваних “верхами”, але й у визначенні їхнього змісту. Йдеться про необхідність розширення участі “простих людей” у здійсненні влади та підвищення на цьому ґрунті відповідальності останніх за своє “виживання”.

Нестабільність політичної та економічної ситуації в країні визначає й невпевненість значної частини директорату та власників у майбутньому. Серед них ми бачимо і тих, хто вважає, що отримана свобода не замінює “плюсів” державної економіки – стабільності постачання та реалізації продукції. Саме молоді вікові групи з високим рівнем кваліфікації демонструють найбільш високу адаптованість до нових економічних умов і більш виражені орієнтації на “ринкові” моделі поведінки.

Важливою характеристикою нинішніх соціально-економічних процесів є відсутність значної психологічної поляризації між двома головними групами, задіяними у ринковій економіці, – керівниками (власниками) підприємств та працівниками. У більшості принципів питань погляди, вподобання й навіть міфи свідомості керівників та працівників збігаються. Конфлікти між ними перебігають у межах “правил гри” – бажання домогтися більш високої заробітної плати, більш жорсткого дотримання трудової та виробничої дисципліни тощо, тобто без ознак соціальної ворожнечі.

Понад те, на підприємствах, які належить приватним власникам, “рейтинг” керівників

власників вищий, ніж у керівників державних підприємств та підприємств колективної власності. А прагнення до колективних форм власності (не задеклароване, а реальне) є дуже низьким. Поки що не призвела до серйозного соціального напруження й майнова диференціація. Як свідчить практика, саме там, де майнова та соціальна диференціація є найбільш сильною (на нових приватних підприємствах), протиріччя є мінімальними.

Можна припустити, що для працівника динаміка його особистого добробуту є значно важливішою, ніж зростання чужого. Звичайно, якщо ця динаміка є позитивною, оскільки у протилежному випадку в дію вступають зовсім інші психологічні механізми. Тобто соціальна заздрість (один з домінуючих компонентів люмпенської свідомості) змінюється на прагнення до підвищення особистого добробуту й на розуміння та повагу до тих, хто досяг на цьому шляху великих успіхів.

Разом з тим слід зазначити, що цей процес перебуває поки що у зародковому стані й оцінювати його можна лише за побічними ознаками. Загрозою для цього процесу є відсутність реальної конкуренції, що викривляє зміст і мотиви діяльності. Саме через це реальне зростання статусу та добробуту часто-густо не збігається із зростанням компетенції, напруження та ефективності трудових зусиль. Проте поступово формуються "психологічна інфраструктура" ринкових мотивацій та ринкова свідомість. І стосовно цього найбільш прогресивними є молодь, люди з вищою освітою та працівники приватних підприємств, тобто представники найбільш динамічних соціальних груп, які демонструють ринкову поведінку.

Саме прискорене формування соціально-психологічних якостей суб'єктів ринкової економіки (потенційно "середнього" класу) є одним з головних завоювань ринкових реформ. А відсутність помітної соціально-психологічної диференціації всередині цього прошарку дає змогу говорити про працівників, керівників, власників радше як про ядро та периферію одного розмитого прошарку, ніж про різні соціальні групи із специфічними поглядами та інтересами.

За останні роки процес формування прошарку суб'єктів ринкової економіки досить оптимізувався. Звичайно, цей процес не є соціально та економічно безболісним. Адже він супроводжується небаченим раніше (і не завжди економічно виправданим) соціальним розшаруванням, різким падінням рівня життя багатьох прошарків населення, переходом власності до рук не завжди компетентних і морально відповідальних власників.

Аналіз становлення структури суб'єктів ринкової економіки у сфері малого бізнесу показує, що цей процес є досить динамічним у просторі та часі, а також суперечливим. Крім того, деякі характеристики цього процесу важко піддаються вивченню. Це стосується джерел та шляхів нагромадження первинного капіталу, стосунків та зв'язків з представниками владних структур, зростання чисельності "ринкових" персонажів, розмаїття форм власності на підприємствах та типів підприємців. Збільшуються й відмінності у трудових орієнтаціях та установках працівників.

Процес формування "середнього" класу супроводжується диференціацією між власниками та "просто директорами" підприємств. У перших розвивається почуття впевненості у собі та задоволеності досягнутим. Серед них більше людей, які вважають, що досягли поставленої мети при створенні підприємства. Як правило, власники впевнені в майбутньому, в тому, що їм не треба буде шукати нову роботу. Значна частина директорів приватизованих підприємств нині переосмислює свою роль на підприємстві, що супроводжується конфліктом установок. Адже частина директорів виступає за продаж підприємств на аукціоні або за викуп підприємства колективом. Більшість же представників директорського корпусу бажає стати власниками очолюваних підприємств. Отже, існує достатній резерв поновлення прошарку власників.

Як свідчать дослідження, більш молоді вікові групи демонструють значно вищу адаптованість до нових соціально-економічних реалій і виражені орієнтації на "ринкові" моделі поведінки. Це стосується й оцінки позитивних та негативних наслідків приватизації, боязні зубожіння та безробіття, рівня трудової та виробничої дисципліни, розвитку

підприємництва та фермерства, психологічної атмосфери в колективі. Тобто зміни на підприємстві, пов'язані з розвитком ринкових відносин, влаштовують молодь більшою мірою, ніж інші вікові групи, викликають її ентузіазм.

Істотно змінюється й стратегія поведінки на випадок втрати роботи. Так, серед молоді набагато вища готовність для перепідготовки для отримання вигідної та перспективної роботи, до започаткування власної справи. Розрізняються вікові групи й за мотивом вибору місця роботи та звільнення з попереднього місця. Хоча мобільність робочої сили ще не така, аби вікові групи могли сильно розрізнитися за цією ознакою. З віком різко падає значення такої характеристики робочого місця, як участь у прийнятті рішень, зростає цінність стабільності робочого місця.

Особливо виразно молодь демонструє установки на самостійність, незалежність, підвищення своєї кваліфікації. Вона значно краще адаптована до умов ринкової економіки, що дозволяє їй сприймати виробничу діяльність та трудову ситуацію менш критично та конфліктно. Молоді люди частіше звільняються з роботи через незадоволеність керівництвом. Тобто є очевидним певний розрив між генераціями у сприйнятті реальності та в індивідуальних стратегіях та установках. Молодь (у першу чергу з вищою освітою) складає найбільшу периферію того прошарку, який ми називаємо "середнім" класом.

Що стосується співвідношення між освітніми групами за мірою належності до головних характеристик суб'єктів ринкової економіки, то воно (це співвідношення) збігається із співвідношенням вікових груп. Життя не підтверджує міф про непотрібність вищої освіти в аналізованій перехідний період, про непристосованість людей з вищою освітою до ринкових реалій. Адже практично за всіма "ринковими" показниками особи з вищою освітою демонструють стійкі переваги. Це дозволяє бачити в них важливу групу, яка бере участь у формуванні "середнього" класу, показує роль вищої освіти як чинника прискорення ринкових перетворень у суспільстві. Держава ж, у свою чергу, повинна підтримувати "прогресивні" групи, які беруть активну участь у формуванні "середнього" класу.

Перспективи розвитку нових "середніх" прошарків, здатних стати дійсними носіями економічних функцій та ідеології "середнього" класу, безпосередньо пов'язані з формуванням приватного сектора у виробництві та сфері послуг. Економічні, технічні спеціалісти, інші працівники, які забезпечують науково-технічний прогрес у конкурентних галузях господарства та становлення ринкової економіки, дедалі успішніше включаються в нові економічні відносини, надають перевагу спільним та приватним підприємствам.

Важливим завданням є створення сприятливих можливостей для розвитку дрібних та середніх фірм, які працюють у науково-інформаційній сфері. Разом з тим залишається нерозв'язаною проблема тисяч спеціалістів, зайнятих у галузях воєнно-промислового комплексу, у фундаментальній та галузевій науці. А саме тут зосереджений найбільш активний загін технічної інтелігенції, здатний розв'язувати завдання на світовому рівні. Саме переміщення частини спеціалістів з державного сектора в приватний (яке супроводжується зміною матеріального становища та послабленням залежності від держави) є відправною точкою у формуванні групи найманих працівників інтелектуальної праці, які складають "ядро" "середнього" класу.

У період переходу українського суспільства до ринкової економіки архіважливим є вплив держави на формування "середнього" класу (як традиційних, так і нових його прошарків) через розвиток малого та середнього підприємництва та державне фінансування науки, культури та освіти. Саме у розв'язанні цих проблем змикаються два магістральних напрямки у розвитку суспільства – модернізація, структурна перебудова економіки та створення соціального класу, зацікавленого в економічному прогресі та політичній стабільності суспільства.

Сучасні суспільства з ринковою економікою створюють оптимальні умови для "проникнення" до "середнього" класу представників різних соціальних груп суспільства. Прагнення потрапити до "середнього" класу, утриматися в ньому й знайти там місце своїм дітям є потужним стимулом високоефективної праці.

Разом з тим не можна не відзначити, що рух від адміністративної економіки до ринкової супроводжується серйозними зрушеннями у соціальній сфері, перебудовою соціальної структури суспільства. Причому інтелігенція, яка сподівалася увійти до "середнього" прошарку суспільства, у своїй більшості залишилася на узбіччі ринкових перетворень. У зв'язку з цим можна провести аналогію із становищем іншого складника "середнього" класу, про який писав Макс Вебер. Він указував, що в Росії міський "середній" прошарок через історичні причини був дуже слабким сам по собі, до того ж капіталізм його послабив ще більше.

Таким чином, підсумовуючи висловлене вище, можна сказати, що "середній" прошарок нині має місце тільки в потенції. Його формування та зростання багато в чому залежить від ефективності соціальної політики та створення правових засад, які активно сприяли б підтримці працівників інтелектуальної праці. Саме соціально-політичний аспект є нині не менш актуальним, ніж аспект економічний.

Населення ж (і в першу чергу його передові соціальні групи) значною мірою зорієнтоване на розвиток ринкових відносин в економіці. Формується активний суб'єкт ринкових відносин з достатньо високим рівнем освіти, зайнятий у головних галузях матеріального виробництва. Соціальні характеристики цього суб'єкта дозволяють говорити про великі потенційні можливості останнього у формуванні "середнього" класу суспільства, зорієнтованого на реалізацію своїх інтелектуальних та творчих можливостей і здатного високо-ефективно працювати на досягнення високої якості життя. Адже соціальна політика розбудови держави не може не спиратися на "середні" прошарки суспільства, не може не формувати їх цілеспрямовано. Адже "середній" клас це природна соціальна база ринкових перетворень в українському суспільстві.

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА РАБОТНИКОВ УМСТВЕННОГО ТРУДА:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К
АНАЛИЗУ

This work is dedicated to investigation of social group of intelligentsia with the aim of analysis of functional and social-technological aspects of their activity. The typology of community of the workers of brain activity is considered and intelligentsia treats to it. It was defined that intelligentsia performs the function of interpretation of creative work results of intellectuals. The features of technical and humanitarian intelligentsia was considered. Ethical aspect of creation and using of social technologies by humanitarian intelligentsia which is directed to the transformation of social objects were analyzed too.

Роботу присвячено дослідженню соціальної групи інтелігенції з метою аналізу функціональних і соціально-технологічних аспектів її діяльності. Розглянута типологія спільноти робітників розумової праці, до якої належить інтелігенція, зазначено, що інтелігенція виконує в суспільстві функцію інтерпретації результатів творчої праці інтелектуалів. Розглянуті особливості технічної і гуманітарної інтелігенції та етичний аспект створення і використання гуманітарною інтелігенцією соціальних технологій, направлених на трансформацію соціальних об'єктів.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллигенция, функциональный подход, социальные технологии, этические оценки.

Целью работы является исследование типологии социальной группы работников умственного труда и, в частности, интеллигенции для анализа функциональных и социально-технологических аспектов ее деятельности.

Термин интеллигенция (лат. *intelligentia* – понимание, познавательная сила, от *intellegens* – умный, мыслящий) был введен в русский литературный оборот в 60-е годы XIX века малоизвестным ныне беллетристом П.Д.Боборыкиным взамен применявшегося Д.И.Писаревым термина “мыслящий пролетариат”. Отечественный философский словарь интеллигенцией называет общественную прослойку, которую составляют люди, профессионально занимающиеся умственным трудом [1]. Заметим, что на Западе этих людей называют интеллектуалами. В Европе они представляют собой интеллектуальную прослойку между аристократией и широкими народными массами, в Латинской Америке интеллектуальная прослойка имеет общие этнические корни (испанские, португальские) с аристократией. Интеллектуалы обслуживают правящую элиту и одновременно служат широким массам, передавая им свои знания и поднимая общий уровень культуры. Они являются звеном, которое скрепляет противоположные края общества в единое целое. Указывалось, что с давних времен в России интеллектуальная элита отличается происхождением и психологией от остального общества и зовется специально для нее придуманным термином – интеллигенция. Причем, как полагает В.Гейченко, интеллигенция не скрепляет, а скорее разделяет общество, будучи в постоянной оппозиции к правящей элите, не находя при этом понимания у простого народа [2].

Появление интеллигенции как особой социальной группы некоторые авторы связывают с возникновением еще первых общественных формаций, относя к интеллигенции интеллектуальных лидеров первобытных племен: жрецов, оракулов, колдунов и т.п. [3]. Сто лет назад Г.Уэллс, делая предсказания “о судьбах ожидающих человечество в XX столетии”, писал о зарождении нового “класса технической интеллигенции – инженеров, техников, людей науки и инициативы, наделенных широкой научной подготовкой, общими идеалами

Саппа Николай Николаевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-72-37, e-mail: sappa@univer.kharkov.ua)

и интересами". Характерным признаком этих людей, по мнению автора, станет высокая нравственность, так как "в своей положительной науке они найдут прочную основу для понимания истинной ценности жизни и для уразумения гнусности порока". Он предсказывал, что со временем этот "класс интеллигентных и научно образованных людей" сосредоточит в своих руках все рычаги управления различными сферами жизни государства [4]. Позднее, в 1923 г. А.Богданов указывал на тенденцию в общественной жизни, выражающую "стремление технической интеллигенции к самостоятельной организаторской роли, к захвату власти над общественным хозяйством, над общественной системой" [5]. Там же он отмечал: "...та группа, которую я назвал технической интеллигенцией – инженеры, техники, врачи, профессора, естествоиспытатели и т.п. – это часть более широкой социальной группы, которую можно назвать организаторской интеллигенцией вообще".

Далеко не все сбылось в их предсказаниях. С властью у работников умственного труда издавна складывались сложные и неоднозначные отношения [6], да и далеко не все из них стремились занять место во властных структурах, что же касается высокой нравственности, якобы обусловленной характером умственного труда, то мировая и отечественная история дают нам немало примеров далеких от нравственности действий тех, кого обычно называют интеллигенцией. Это, например, беззаветная служба тоталитарному режиму на идеологическом фронте, поддержка и пособничество репрессиям, разработка средств массового уничтожения людей – ядерного, химического и бактериологического оружия, медико-биологические эксперименты над людьми и т.п. Немало свидетельств аморальных действий людей, профессионально занимающихся умственным трудом, и в современной нам действительности. Вместе с этим немало и людей, которых называют интеллигентами – мать Тереза, А.Чехов, Г.Сковорода, А.Швейцер, В.Стус и многие другие, чья духовная и подвижническая деятельность вызывает не только всемерное уважение, но и стремление к подражанию.

Так что же такое интеллигенция?

Нередко на бытовом уровне интеллигентом называют культурного и образованного человека, при этом многие люди, получившие диплом о высшем образовании, безусловно относят себя к интеллигенции. Ряд авторов, наоборот, ограничивает эту социальную группу лишь людьми высокой морали, создающими духовные ценности человечества. Как отмечалось в работе [6], определений и толкований понятия "интеллигенция" к настоящему времени насчитывается более трехсот. Такое обилие дефиниций указывает на несформированность понятия, на то, что оно, возможно, охватывает различные, но подобные социальные группы. Мы полагаем, что в случаях, когда представляется невозможным (или затруднительным) провести интеграцию массива дефиниций к одному или небольшому числу емких определений, методически оправдано расщепить объект анализа на сегменты, обозначив и описав каждый из них особым образом, дифференцируя затем исследовательские подходы к ним.

Что же касается рассматриваемых нами работников умственного труда, то, на наш взгляд, один из подходов к корректному определению интеллигенции состоит в анализе функциональной деятельности различных групп людей, объединенных в общественном сознании этим понятием. (Здесь мы рассматриваем интеллигентность не как родовой признак, присущий определенной группе людей, а как отражение характера их основной деятельности, функции, которую они выполняют в обществе.) Первый шаг к уточнению понятия интеллигенции состоит в сегментации указанной общности по цели и по конечному продукту ее деятельности. Так, если работники физического труда могут быть разделены на производящих конкретный материальный продукт и на работающих в сфере его использования, то есть в сфере услуг, то и к работникам умственного труда возможно подойти подобным образом. При этом их конечным продуктом деятельности может быть как идея, новая мысль, суждение, прибавляющие, увеличивающие знание, высокохудожественные произведения искусства, так и прикладное использование уже имеющихся творческих достижений (знаний, объектов искусства) для осуществления определенных социальных целей.

“Нужно решительно различать, – писал Н.А.Бердяев, – социальное призвание от социального заказа, выражения, употребляемого в советской России. Intellectuel – мыслитель, писатель, артист – имеет социальное призвание, он не может оставаться равнодушным к тому, что происходит в социальном мире. Все социальное глубоко связано, положительно или отрицательно, с духовным и отображает совершающееся в духовной действительности. Но intellectuels ни в коем случае не должны исполнять социального заказа, это было бы отречением от свободы духа. Социальное призвание идет изнутри, оно свободно, социальный же заказ идет извне, он означает принуждение” [7].

По-видимому, западному термину “интеллектуал” в нашем языке соответствуют термины “мыслитель”, “творец”. Н.А.Бердяев писал о них: “Подлинные intellectuels – представители духа, то есть свободы, смысла, ценности, качества, а не государства, не социального класса и социальных интересов” [7]. Так, пожалуй, было издавна. Вспомним знакомые со школьной скамьи пушкинские строки, описывающие независимого мыслителя древности:

Волхвы¹ не боятся могучих владык,
И княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен.

“Мир ловил меня, но не поймал” – завещал написать на своей могиле Григорий Сковорода. Свободомыслие, независимость от власти, неподкупность всегда – в древности и в наши дни – были отличием мыслителей. Может быть поэтому В.И.Ленин, придя к власти, называл отечественную профессию, идейно несогласную с правящим режимом (среди них и цитируемого нами Н.А.Бердяева), “гнилой интеллигенцией” – плохой, низкокачественной, не соответствующей в его представлении имени “интеллигенция”. Наверное так оно и было. Мы полагаем, что все те ученые, которых Ленин в 1920 г. выславил из страны на “профессорском пароходе”, были интеллектуалами, свободными от идеологической узды мыслителями [8].

В отличие от интеллектуалов для другой части обширной группы работников умственного труда, которая и является собственно интеллигенцией, функциональной деятельностью выступает, в первую очередь, не создание нового знания (продуцирование новых суждений, научных идей и творческих концепций есть функция интеллектуалов-мыслителей), а переработка и использование того, что создали интеллектуалы, в соответствии с имеющимся социальным заказом. Этим, по нашему мнению, интеллигенция и отличается от интеллектуалов. Таким образом, деятельность интеллигентов состоит в отборе и организации необходимой информации, в адаптации ее для определенной аудитории, в разработке технологий ее представления в соответствии с поставленными целями. Это могут быть лекции и учебники для студентов различных специальностей, инженерные сооружения, обзоры политических событий, статьи, художественные книги, кинофильмы, скульптурные композиции и т.п. В реальной жизни, разумеется, нет резкого разделения на интеллектуалов-мыслителей и интеллигенцию. Нередко интеллектуалы выступают с популярными лекциями и пишут книги, в которых разъясняют как специалистам, так и широким массам результаты своей творческой работы, принимают участие в общественно-политической жизни. Так, например, стремление ведущих украинских интеллектуалов первой половины XIX века Т.Шевченко, М.Костомарова, П.Кулиша принести свой талант, знания и умения на службу обществу привело к созданию ими Кирилло-Мефодиевского братства. С другой стороны, среди тех, кого мы называем собственно интеллигенцией, нередко встречаются авторы высоких научных и художественных достижений (иногда таких людей называют творческой интеллигенцией).

Сделаем следующий шаг к дальнейшему уточнению понятия “интеллигенция” –

¹ Волхв – мудрец, звездочет, астролог, чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник (Толковый словарь Даля).

сегментируем указанную социальную группу по объектам приложения ее деятельности. Наиболее простым представляется разделение группы на интеллигенцию техническую и "нетехническую" или гуманитарную интеллигенцию. К технической интеллигенции, как отмечалось выше, обычно относят обширную группу работников умственного труда, работающих в сфере приложения естественно-научного знания. К гуманитарной интеллигенции следует отнести тех работников умственного труда, которые объектом своей преобразовательной деятельности избрали различного рода социальные общности. Деятельность такого рода обычно называют социально-технологической, а совокупности методов, средств, приемов, способов организации человеческой деятельности для воздействия на социальные процессы и системы с целью изменения социального объекта или социальной ситуации в определенном направлении принято называть социальными технологиями [9]. Социальные технологии обычно предшествуют и сопутствуют организационным и политическим действиям, направленным на изменение социальной действительности. При этом целью технологий являются объяснение и оправдание необходимых социальных изменений, формирование соответствующего им общественного мнения, для чего применяется широкий спектр образовательных, информационно-пропагандистских, экономических и других социальных технологий различного уровня использования.

Исходя из этого, гуманитарная интеллигенция фактически представляет собой социальную группу операторов (явных и неявных) различных социальных технологий, направленных на преобразование социальных объектов. Интеллигенты разрабатывают и внедряют социальные технологии воздействия на социальные объекты как для достижения собственных целей, так и целей, поставленных заказчиком. Довольно часто заказчиком социальной технологии выступают властные структуры различного уровня. К примеру в Российской империи, а затем и в СССР интеллигенция (в отличие от интеллектуалов) всегда была на государственной службе – оплачивалась из государственного бюджета, так как разрабатывала и внедряла необходимые государству социальные технологии. И, следовательно, была проводником идеологии правящих структур. Как результат таких социальных технологий в отечественной практике выступает, например, многовековая фальсификация российской истории. Еще с карамзинских времен историография России изобилует борьбой группировок и мнений, целью которой было не достижение научной истины, а отбор идеологических посылок, наиболее адекватно удовлетворяющих политике властных структур. Ряд талантливых исследований, результаты которых не вписывались в официальную историю Государства Российского, и поныне покрыты пылью забвения.

В принципе, интеллигенцию в заметной ее части можно считать соавтором всех позитивных достижений и катастрофических просчетов властных структур, подъемов и кризисных спадов в различных сферах жизнедеятельности общества. Имея это ввиду, известный телекритик И.Иваницкий пишет о мере ответственности одной из групп отечественной интеллигенции – журналистов, за разрастание социально-психологического кризиса в Украине: "я обвиняю нашу журналистику в том, что она позволила власть и деньги имущим использовать себя с одной-единственной целью – через себя, как через усилитель, манипулировать общественным мнением и делать с народом все, что "жирным котам взбредет в голову" [10].

Такой подход указывает также и на необходимость оценки социально-технологической деятельности гуманитарной интеллигенции с этических позиций. К.Манхейм в работе "Диагноз нашего времени" отмечал, что социальная технология подобно любой технологии ни хороша, ни плоха сама по себе – все зависит от того, как ее используют человеческая воля и рассудок. По его мнению, предположения о возможности быстрой и эффективной технологической трансформации общества стимулировали развитие и тех социальных технологий, в структуре которых насилие носит позитивный оттенок. Манхейм писал, что применительно к государству "новая наука о человеческом поведении дает в руки правительства знания о человеческом разуме, которое можно использовать либо для увеличения эффективности управления, либо превратить в инструмент, играющий на эмоциях масс.

Развитие социальных служб позволяет оказывать давление на нашу частную жизнь. Таким образом, появляется возможность сделать объектом общественного контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными" [11, с.414-417].

Однако стратификация гуманитарной интеллигенции с позиций этических оценок применения социальных технологий представляется нам довольно затруднительной. Если под властью понимать заказчика социальной технологии – субъекта, определяющего цель социо-технологической деятельности, регулирующего качество и уровень результата, то здесь уместно вспомнить разделение власти, предложенное Э.Фроммом в работе "Бегство от свободы", на власть внешнюю и власть внутреннюю, которую называют долгом, совестью, "superego". Таким образом, с одной стороны, интеллигенция является, по определению А.Луначарского, "классом профессиональных идеологов", который составляют те, кто зарабатывает на жизнь, внедряя и (или) разрабатывая социальные технологии, направленные на изменение социального объекта в соответствии с заранее заданными (заказанными) ему параметрами: школьный учитель, ревностно следующий утвержденной программе, имиджмейкер, партийный работник, чиновник и др. С другой стороны, к гуманитарной интеллигенции относятся и те, кто определяет самостоятельно направление и качество своей деятельности, исходя из чувства долга, совести, опираясь на собственные этические принципы.

Но такое разделение, хотя и указывает направление поиска, отнюдь не является определяющим для формирования критериев этических оценок деятельности гуманитарной интеллигенции. Независимый выбор личностью целей своей социо-технологической деятельности, опирающийся на понимание ею долга перед обществом или определенной социальной общностью, еще не является гарантом того, что цель и средства их достижения могут быть оценены высоко с нравственных позиций. Социальная действительность дает немало примеров тому, как нередко со временем меняется полярность оценок обществом как идей, так и определяемых ими целей, путей их достижения. Так показательным является изменение во времени общественного отношения к идее построения коммунизма в отдельно взятой стране, к социальным технологиям достижения этой цели и к интеллигенции, осуществлявшей эти технологии.

Вышеприведенные рассуждения наталкивают на мысль о том, что известный совет просветителей: "сейте разумное, доброе, вечное" представляет собой в общем виде методическое указание гуманитарной интеллигенции по созданию высоконравственной социальной технологии, в котором высокий гуманизм социальной цели технологии определяется в терминах "разумное, доброе", а фактор времени – "вечное", выступает гарантом истинности гуманизма...

В заключение заметим, что возможны, видимо, и другие направления анализа. Автор считает необходимым отметить, что вышеприведенное есть лишь изложением некоей схемы, алгоритма, позволяющего уточнить соотношение различных групп, с довольно размытыми границами, составляющих обширную социальную группу работников умственного труда, их цели и характер деятельности.

Литература:

1. Интеллигенция / Краткий философский словарь под общ. редакцией И.В. Блауберга, П.В. Копнина и И.К. Пантина. – М.: Изд-во полит. литературы, 1970. – С.111-112.
2. Гейченко В. Феномен російської інтелігенції // Сучасність. – 1993. – №9. – С.138-147.
3. Липинський В. Листи до братів-хліборобів // Хроніка-2000. – К.: "Довіра", 1993. – №3-4 (5-6). – С.169-191.
4. Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Тип. Монтевида, 1903. – 199с.
5. Плюто П.А. Богданов А.А. О несоциалистическом характере Октябрьской революции // Социологические исследования. – 1992. – N 4. – С.130-136.

6. Бидзиля П.Е., Деряпа М.Р., Ремизников В.В. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества // Зб. наукових праць "Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління". – Запоріжжє: ГПВ "Видавець", 1999. – Вип.5. – Ч.1. – С.44-49.
7. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. – 1990 – №1. – С.228-231. (Печатается по "Новый град" (Париж). – 1938. – № 13. – С. 6-11.).
8. Коган Л.А. "Выслать за границу безжалостно" // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С.61-66.
9. Подшивалкина В. Социальные технологии на предприятии // Современное общество. – 1994. – N 1. – С.75.
10. Иваницкий И. Не ту страну назвали Гондурасом? // Независимость. – 2000. – 11 февраля.
11. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: "Юрист", 1994. – 700с.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

The article is dedicated to the problems of the moving forces and trends of social and cultural development. The paper studies three dominants of the spiritual life which make for the type of cultural reproduction in the countries of the postsoviet space. Qualitative changes of the cultural reproduction type and their influence on the society integration are considered to be the essence of socio-cultural dynamics. The author examines mentality, dominant subculture and the level of subjectivity as methodological constructions which are useful in the further analysis of the modern tendencies of social and cultural dynamics.

Стаття присвячена проблемам соціокультурної динаміки. В роботі розглянуто домінуючі практики духовного життя, які обумовлюють тип культурного репродукування у країнах, що належать до пострадянського простору. Суть соціокультурної динаміки, таким чином, полягає в якісних змінах генотипу культурного репродукування та їх впливі на інтеграцію суспільства. Автор використовує такі методологічні конструкти як ментальність, домінуюча субкультура, динаміка рівня суб'єктності для подальшого аналізу тенденцій та суперечностей сучасних соціально-культурних перетворень.

Ключевые слова: социально-культурная динамика, либерально-правовая традиция, ментальность, доминирующая субкультура, ценностная система.

Повседневная духовная жизнь общества достаточно противоречива: с одной стороны она представляет собой разнообразные формы практик, в рамках которых индивиды решают свои собственные проблемы, с другой – относительно целостна, ибо имеет направленность, предвидение и некую универсальность. Обычные и необычные (нестандартные) ситуации, возникающие в связи с высоким ритмом социальной жизни и усложнением условий жизнедеятельности, постоянно пересекаются, ставя индивида перед проблемой выбора способа действия и принятия конкретных решений. Приобретенный опыт фиксируется как поступательная рациональность. А воплощенный многократно опыт создает восходящую рациональность и своеобразные поля мозаичной культуры.

Практика культурного развития России, Украины и Белоруссии свидетельствуют о трех доминантах, определявших динамику их общей духовной жизни в XIX-XX веках: традиционалистско-общинной (патриархальной), тоталитарной и либерально-правовой. Они задавали тип воспроизводства социальной жизни, ценности и стереотипы поведения, направленность международных контактов, т.е. способы внутренней и внешней интеграции.

Теоретическое осмысление социально-культурной динамики оперирует более широкими категориями. Целевая задача состоит в поиске механизмов, определяющих целостность конкретного общества и устойчивость структур, создающих основания солидаризации разных слоев. В рамках культурной политики, которая призвана формировать целостность, в качестве конструкторов обсуждаются феномены международных мировых контактов (внешняя функция государства) и соотносительности укладов и стилей жизни (внутренняя функция).

В качестве оснований солидарности чаще всего используют традиции, обычаи, системы ценностей, ценностные ориентации, установки, которые скорее, чем другие конструкты, свидетельствуют о направленности действия и о позициях субъектов. Вместе с тем, такая постановка вопроса имеет свои ограничения. Чисто субстанциональный подход выводит из анализа причинно-следственных связей деятельность социальных институтов, которые формируют ценности и “конструируют мир”. Кроме того, ценности и ценностные ориентации носят оценочный и, чаще всего, декларируемый характер. Они могут быть отражением

Победа Нелли Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Одесского национального университета им.И.И.Мечникова

стереотипов, сформированных разными укладами культуры, сосуществующими вместе в реальной практике всех славянских государств не только глубоко в прошлом, но и в настоящем. Они могут быть результатом воздействия СМИ, которые достаточно своеобразно представляют сегодня реальный и виртуальный мир. Они являются также следствием влияния собственно духовной сферы и разных видов художественной культуры, более или менее развитых в каждой из этих стран. Поэтому, на наш взгляд, рассмотрение систем ценностей может быть эвристично лишь при условии соотнесенности их с определенными институциональными системами: как с институтами духовного производства, распространения и обмена, так и в соотнесенности с доверием к институтам политической власти, формирующим базовые ценности.

Вторая проблема, которая возникает при постановке вопроса о социокультурной динамике, с точки зрения социологического подхода состоит в выборе существенных признаков, определяющих движение к глобальной мировой культурной системе и отражающих специфические особенности каждой славянской культуры, ее ментальность.

Третья проблема связана с операционализацией исходных понятий и соответствия концептуальным представлениям целостности и самодостаточности как в собственно национально-государственных формах, так и с точки зрения элементов, определяющих ее развитие к обще-цивилизационной системе.

Наиболее дискуссионным при оценке социокультурной динамики является выделение основных структурных элементов, составляющих инвариант культуры.

Если рассматривать ее интегративную функцию в качестве инструмента, создающего и регулирующего целостность общества, то в самом общем виде мироцелостность будет представлять собой структуры взаимодействия. Но это самая общая абстракция. Содержательный смысл взаимодействий связывается с такими системами, которые "схватывают" основные противоречия: внутреннего мира человека, его ценностных координат и условий существования (т.е. институциональных структур) в их общей целевой установке – способности преобразовывать окружающий мир в восходящее рациональное и духовное целое.

В научной социологической литературе в качестве инвариантов социокультурной динамики рассматриваются "ценностные ориентации" в континуумах: коллективного-индивидуального; открытости к переменам – сопротивления переменам [1]; соотношение базовых и инструментальных ценностей и их взаимосвязи с политическими интересами и потребительским поведением [2]; свобода и независимость в сопоставлении когнитивных представлений и поведенческих моделей жизни [3]; соотнесенность позитивных и негативных факторов солидаризации, зафиксированных через социальные установки различных социальных групп [4], соотношение образа жизни и стилей жизни и т.д.

Каждый из представленных конструкторов имеет право на существование, ибо реализует определенную концепцию. Более того, выдвинутые основания могут характеризовать общественную систему на пространстве бывшего СССР на принципах взаимодополнительности. Однако по мере накопления операциональных индикаторов желательно отбирать наиболее информативные, в частности такие, которые отвечали бы на основной вопрос, изменилась ли система качественно, появились ли новые социальные свойства и доказательства того, как они влияют на интеграцию общества и изменение национальных генотипов.

Так, традиционалистская тенденция в культуре формировала целостность подражательного порядка, тоталитарная – иррационально-мифологического характера с результатом механической солидарности, либерально-правовая доминанта развивала идеи гражданского общества (права личности, частной собственности, гражданской субъектности). В России либерально-правовая традиция складывается с началом институциональных реформ Александра II, в Украине – с началом формирования национально-освободительной идеологии (Кирилло-Мефодиевское братство), в Белоруссии – с культурным возрождением (20-х гг. XX в.). Эта традиция в России и в Украине была прервана революцией 1917 года. Но корни ее остались и по-разному развивались в культурном бытии союзных республик

бывшего СССР.

Целостность общества “государственного социализма” также не оставалось неизменной. Солидаризация первых послевоенных лет (50-х годов) была самой высокой. Она основывалась на чувстве гордости народа, отстаивавшего независимость в борьбе с фашизмом и принесшего свободу другим народам Западной Европы. На фоне огромных материальных и людских потерь и общей устремленности к восстановлению народного хозяйства, даже “тотальность государственной машины” воспринималась массами как сила органического свойства. Коллективизм, возникший в результате победы на полях сражений, находил продолжение в ускорении темпов индустриализации, в определенной согласованности этно-национальных интересов и т.д..

Коллективизм 70-х годов иного качества. Это результат сложившегося к тому времени “советского образа жизни”, где были переплетены миф и реальность, где культура не отличалась от политики, где доминировали усредненные потребности и где субъектность представлялась в виде “винтика” хорошо отлаженной бюрократической машины. Наметилось и “разбегание” от центра этно-национальных регионов.

Сплоченность и целостность 90-х годов, когда образовались новые суверенные государства, имеет в основании иные свойства и коллективности, и свободы, и материальной обеспеченности, и самосознания. Возрождается либерально-правовая традиция, но говорить о ее доминанте еще рано. В укладе жизни во всех государствах постсоветского пространства сосуществуют традиционный, тоталитарный и либерально-правовой тип взаимодействия. Возможно поэтому, целостность общества воспринимается как “кипящая”.

Переходное состояние общества, становление рыночных отношений еще слабо стимулируют население к осознанию личностного интереса, особенно когда интерес общественный не сформулирован. Новые свойства целостности формируются через отрицание населением государственных институтов, политических партий, прежних систем ценностей. Дифференциация доминирует над интегративными тенденциями. Социально-системной, институциональной устойчивости противостоит социально-территориальная, локально-средовая и этническая. При всей внутренней неорганичности культурный синтез сформированного советского образа жизни достаточно силен и он является источником трудностей в проведении реформ в настоящее время. Ментальность “совка” глубоко укоренена в историческом сознании не только представителей старшего и среднего поколений, но и в стереотипах, которыми руководствуется молодежь.

Либерально-правовая традиция, определяющая развитие государств на постсоветском пространстве, вводит в качестве доминанты культурного развития элементы транснациональных образований, а именно культуру “критического дискурса”, для которой характерны способность к рефлексии, высокая коммуникативность, реформаторско-радикальная направленность преобразований. Доминирование такой субкультуры позволяет использовать в качестве инструмента анализа теории социальной самоидентификации. В самом общем виде она может быть принята в формулировке Д.Шнайдера как вид принадлежности или самоотнесения индивида к различным подсистемам общества, отличающихся “взаимопроникающей устойчивой солидарностью [5] (diffuse enduring solidarity). На социальном уровне структурированные индивидуальные идентичности создают поле ролей, статусов, диспозиций, очерчивают предметно круг социальных интересов и социальных проблем. Самоопределение и самореализация являются основным ядром в теориях социальной идентичности. Они ассоциируются с понятиями субъектности, активности действия.

Согласно Т.Парсонсу, единицами анализа объединительных тенденций являются диспозиционная или мотивационная идентичность на личностном уровне, групповая и трансгенеративная – на межличностном, этническая и гражданская – на социальном [6]. Преобразовательная роль культуры и ее кумулятивный эффект состоит в интеграции общественных систем. П.Бурдье связывает его с “символическим капиталом [7]; (вновь достигаемый социальный статус и обретение новой свободы), П.Бергер и Т.Лукман – с взвешенной оценкой идентификационных практик и конструированием новой реальности [8].

Таким образом, в основе методологических конструктов социальной динамики будут лежать не навязанные социальные образования, а открытые для дискуссий с самим респондентом способы осмысления им организации собственной жизни.

Содержательными конструктами, лежащими в основе концепции изменения генотипа культурного воспроизводства, составляющего суть социокультурных изменений могут, на наш взгляд, быть ментальность, доминирующая субкультура и динамика свойств субъектности.

Для целей нашего анализа менталитет важен как результат глубинных, устойчивых черт народа, сложившихся в ходе исторических и социальных реалий, и одновременно как побочный продукт некоего негативного результата, от которого надо освобождаться. Поскольку в менталитете соединены воедино и способ мышления и способ деятельности, коллективное и индивидуальное сознание, рациональные структуры и бессознательные стереотипные образования, национально-государственные и разнообразные этнические компоненты, имеет смысл зафиксировать их в виде комплекса воспроизводящихся ценностей (базисных и инструментальных), а также в виде стереотипов, характерных для повседневной практики и отражающих этот негативный результат [9].

В этом случае коллективное и индивидуальное, материальное и духовное, эмоциональное и рациональное, зависимость и свобода, как маркировки типа экстенсивного и интенсивного воспроизводства общественной жизни будут находиться как в системе ценностей, так и в системе стереотипов. С их помощью можно будет сделать выводы о способах организации коллективной жизни с учетом различий социальных групп. Ранговая шкала, построенная по индексу значимости ценностей и устойчивости стереотипов в общественном сознании покажет место актуализированных ценностей (либерально-правовой традиции) в ряду других. Забегая вперед отметим, что свобода еще не осознается в качестве ценности повседневной духовной жизни в любой из стран постсоветского пространства и не входит в число элементов доминирующей субкультуры.

Конструкты доминирующей субкультуры строятся на типологиях ценностных ориентаций, деловых и личностных качеств, востребованных временем и значимых для респондентов лично. Это латентные структуры и они могут быть получены методом факторного анализа. На уровне рабочих гипотез можно предположить, что их общий спектр будет варьировать от субкультур традиционно-патриархальной, этно-традиционной, патерналистски советской до новейших разновидностей молодежных субкультур и субкультур неолиберализма и неоконсерватизма. Возможно появятся основания говорить о национальной форме либерализма (которые будут отличать российский, украинский и белорусский генотип), по аналогии со специфическим представлением о свободе в ее советском и постсоветском вариантах [10].

Динамика свойств субъектности логически лежит в основании либерально-правовой традиции и отражает культуру критического дискурса. Обе категории: "субъективность" и следующая за ней "субъектность" – могут быть представлены как факторы эмпирического мира, как специфические формы отражения этого мира, как мера отрицания эффективности действующих институтов общества, свойств и качеств разных социальных групп, определенных субкультур. Более того, отклонение от общезначимых оценок в восприятии целостности общества тех или иных диссидентствующих или лоббирующих групп как разновидностей субкультур может быть представлено в виде индекса субъективности. Субъективность "когнитивная" и реализованная в социальном "действии" предстанет как субъектность. В этой связи деловые и личностные характеристики индивидов разворачиваются через влияние внешней среды (в том числе институтов власти и институтов культуры) на поведение индивидов и их внутреннюю самоорганизацию. Вектор движения совокупности деловых и личностных свойств в социально значимые свойства в этом случае будет проходить четыре стадии: социально-объектную, когда действие осуществляется под внешним давлением, но внутренне не осмыслено; индивидуально-объектную, когда индивид движим внутренней рефлексией и у него формируется определенная позиция, хотя он еще не действует;

индивидуально-субъектную, когда он определяется в выборе стратегии и действует (преимущественно во имя реализации своих собственных интересов); социально- субъектную – когда он свободен в выборе и действует во имя и своих, и общественных интересов. Такой механизм позволяет разделить индивидуально-субъектную и социально-субъектную сторону в системе взаимодействия и показать процессуальную сторону социальной динамики.

Логика развития ценностной системы молодежных когорт, построенная в соответствии с обозначенной концепцией на материалах сравнительного исследования 1994, 1997, 2000 гг. позволила более определенно говорить о таком интегральном качестве как социальная зрелость и о целостности общественной системы в целом [11].

Рассмотрим некоторые из выделенных конструкторов социокультурной динамики в тенденциях и противоречиях.

Исходной точкой дальнейших рассуждений о динамике изменений ценностной системы, доминирующей субкультуре, и о значимости тех или иных человеческих свойств, востребованных временем, будет оценка молодым поколением, а именно студенчеством – наиболее зрелым и перспективным субъектом дальнейшего реформирования общества – тех способов организации социальной жизни, которые были свойственны поколению их родителей и прародителей. Студенчество Украины значительной своей частью отрицает опыт и материального, и духовного обустройства жизни.

Межпоколенная идентификация имеет отрицательные значения в обоих случаях (И-0,23; -0,02 соответственно), в том числе во всех регионах Украины. Воспроизводство практики материального обеспечения составляет в значениях индекса -0,31 – для Запада Украины; -0,07 – для Востока Украины и -0,31 – для Юга Украины). Воспроизводство духовных основ жизни – для восточных и южных областей соответственно И -0,05; -0,05. Студенчество западного региона Украины более позитивно, чем восточного и южного, признает родительский опыт в качестве значимого в духовной сфере (75% позитивных ответов по сравнению с 37 и 36% соответственно) (таблица 1).

Такое состояние межпоколенной идентификации фиксирует общее проблемное поле характера взаимодействий и требует анализа причинно-следственных связей в логике обозначенных выше конструкторов.

Обращаясь к ценностной системе (табл.2), создающей фундамент ментальности, можно выделить воспроизводство глубоко укорененных традиционных ценностей (выносливость, трудолюбие, подчиненность общественным нормам, бережливость). Они занимают 1-4 места во всех регионах Украины.

Другая группа ценностей с большим диапазоном различий по регионам, чем первая, также характеризует воспроизводство менталитета через традиционную субкультуру (щедрость души, открытость, лояльность к власти и толерантность). На периферии находятся либерально-правовая субкультура: готовность к переменам, свобода (самостоятельность выбора), рационализм и предприимчивость, гражданственность. Она, по оценкам студенчества, в значительно меньшей степени, чем традиционная, характеризует генотип общности “украинский народ” и составляет перспективу динамических преобразований последующего периода.

Примечательно, что в факторах, определяющих солидаризацию народа Украины на ближайшие десятилетия, уравниваются по значимости традиционалистская и либерально-правовая тенденции. Самым значимым основанием интеграции студенчество называет экономико-политические модели. Слабо разделяет идею об интеграции Украины с НАТО и столь же непривлекательным считает политический союз с Белоруссией и Россией.

Платформой солидаризации в Западном регионе Украины названа необходимость освобождения от российского влияния. Практически бесперспективной оказывается возбуждение в историческом сознании идентификации украинского народа с народом-воином.

В системе ценностей отвергается значимость коллективизма. Возможно потому, что она воспринимается как тотальная общность советской субкультуры. Но снижение значимости коллективизма может быть также следствием сильного размывания существовавших ранее представлений на фоне деформированных рыночных отношений.

Межпоколенная идентификация
Хотели бы жить так же, как родители

Студенты	материально:				духовно:			
	Полож. ответы	Нейтр. ответы	Отриц. ответы	И	Полож. ответы	Нейтр. ответы.	Отриц. ответы	И
Запада Украины (г.Львов)	25,5	15,3	59,1	-0,31	5,4	20,6	34,0	0,03
Востока Украины (г.Харьков)	39,0	17,0	44,0	-0,07	37,0	21,0	42,0	-0,05
Юга Украины	18,7	24,3	46,1	-0,31	36,4	23,7	39,3	-0,05

Таблица 2.

Ментальность украинского народа

	в оценках студенчества						в оценках эмигрантов из Одессы
	Запада Украины (г.Львов)	ранг	Востока Украины (г.Харьков)	ранг	Юга Украины (г.Одесса)	ранг	
коллективизм	-0,24	17	-0,15	13	-0,06	11	-0,33
открытость	0,07	6	-0,01	6	-0,04	10	-0,55
гибкость (готовность к переменам)	-0,04	11	-0,02	7	0,04	8	-0,86
выносливость (терпимость)	0,63	1	0,45	1	0,46	1	
законопослушность	-0,15	13	-0,32	15	-0,2	12	-0,75
лояльность к власти	0,05	7	-0,01	6	0,01	9	
политическая активность	-0,04	11	-0,09	11	-0,22	13	-0,75
трудолюбие, хозяйственность	0,57	2	0,12	4	0,14	3	0,05
подчиненность общественным нормам, общественному мнению	0,28	3	0,15	3	0,06	7	
простота, бесхитрость	0,01	9	-0,26	14	0,01	9	-0,66
свободолюбие (самостоятельность выбора)	-0,08	12	-0,04	8	0,01	9	-0,80
рационализм, предприимчивость (умение рискнуть)	-0,01	10	0,09	5	-0,12	12	-0,72
щедрость	0,25	5	-0,07	10	0,07	6	
бережливость	0,26	4	-0,10	12	0,16	2	-0,49
толерантность	0,02	8	-0,05	9	0,09	5	-0,86
эмоциональность, импульсивность	0,05	7	0,22	2	0,10	4	-0,52
религиозность							
гражданственность (привязанность к Украине)					-0,05		-0,69

Глобальная, территориальная, гражданская и этническая идентификации студенчества Украины после распада СССР

Субкультуры	Гражд. Украины	Совет. человеком	Просто россиянин	Представит. этнической группы	Гражд Европы	Гражд Мира
Запада Украины	-0,75	-0,60	-0,91	-0,72	0,30	-0,33
Востока Украины	-0,37	0,53	0,71	-0,32	0,27	-0,04
Юга Украины	-0,05	-0,21	-0,73	0,29	-0,29	-0,16

Таблиця 4.

Типология респондентов, по оценке значимости деловых и личностных качеств (построенная на основе факторного анализа)
Массивы 1997, 2000г. (N=800 чел.)

I индивидуальной, гражданской и рациональной ориентации (реформаторский.)	II традиционный: эмоционально-толерантной ориентации	III социально-субъектной ориентации (с выраженной стереотипностью идеологии советской субкультуры)
— ответственность 0,734 — эффективность в делах 0,720 — самоконтроль 0,684 — исполнительность 0,654 — воспитанность 0,623 — смелость в обосновании своих взглядов 0,622 — рационализм 0,577 — твердая воля 0,586	— честность — открытость 0,618 — чуткость 0,572 — умение понять чужую точку зрения 0,412 — воспитанность 0,373	— высокие требования к себе и окружающим 0,540 — образованность 0,424 — непримиримость к недостаткам в себе и другим 0,318

При сравнении глобальной, территориальной, гражданской и этнической идентификации предпочтительной для студенчества Запада Украины становится европейская – ощущение себя гражданином Европы (индекс +0,30), для студенчества Востока – соотнесение с бывшим “советским” человеком (И +0,53), для студенчества Юга Украины – с этнонациональной группой (И +0,29) (табл.3). Из этого следует, что общецивилизационные основания сильнее различают субкультуры регионов Украины, чем гражданственно-правовые и этнические факторы. Они и определяют общий вектор социально-культурных изменений.

Соотнесенность деловых и личностных качеств и их динамика важны для нас, как было отмечено выше, в качестве инструментов формирующейся посттоталитарной культурной традиции.

Принципиальное значение приобретают как направления соотнесенности комплекса деловых и личностных свойств в континуумах коллективного-индивидуального, эмоционального-рационального, пассивного и гражданственно-активного типа, так и выраженности комплекса этих черт с точки зрения жизненных ценностей и доминирующей субкультуры.

Типология респондентов, полученная по критерию выделения ими значимых деловых и личностных качеств через факторный анализ свидетельствует о функционировании трех относительно однородных субкультур (табл. 4). Первая характеризует индивидуальную, гражданственную и рациональную ориентацию в способе организации жизни. Для нее преобладающее значение имеют ответственность (вес факторной нагрузки – (0,734),

эффективность в делах (0,720), самоконтроль (0,684), исполнительность (0,654), воспитанность (0,623) смелость в отстаивании своих взглядов (0,622), рационализм (0,577), твердая воля (0,586). Совокупность выделенных качеств может свидетельствовать о том, что формируется реформаторский тип и он соответствует либерально-правовой традиции в культуре. Второй может быть обозначен как тип эмоционально-толерантной ориентации. Он характеризует традиционный механизм воспроизводства человеческих свойств: честность, открытость (0,618), чуткость (0,572), умение понять чужую точку зрения (0,412), воспитанность (0,373). Третий вид субкультурной ориентации отражает свойства стереотипов советской культурной традиции: высокие требования к себе и окружающим (0,540), образованность (0,424), непримиримость к недостаткам в себе и у окружающих (0,318). Сами названные качества не вызывают возражений, но отсутствие у данного типа других социально-значимых качеств позволяет предположить, что это скорее стереотипы, декларированные ценности, чем реально интернационализированные.

Рассмотрение обозначенных в концепции свойств в динамике 1994-2000 г. (время проведения мониторинговых исследований, позволило выявить следующие тенденции:

- преобладание типа советской субкультуры сменяется типом рациональной ориентации, гармонизирующим гражданские, индивидуальные и социальные свойства;
- появляется тип со свойствами асоциальной направленности (хитрость, упрямство, умение жить за счет других, наглость, агрессия, хладнокровие). По величине факторной нагрузки этих свойств можно заключить, что они конкурируют почти на равных с комплексом качеств первого типа (сравните: выносливость – 0,769, хитрость – 0,760; твердая воля – 0,764, упрямство – 0,711; личная ответственность – 0,576: умение жить за счет других – 0,695; рационализм – 0,561; наглость, хладнокровие – 0,684; 0,598);
- тип традиционной субкультуры так же, как и тип советской субкультуры отодвигается на периферию общественного сознания и по-видимому, учитывая значительное число приверженцев, будет еще какое-то время сосуществовать с двумя указанными выше.

Литература:

1. Докторов Б.З. Россия в европейском социо-культурном пространстве // Социологический журнал, 1997, №3, С.5-19.
2. Клямкин И. Капустин Б. Либеральные ценности в сознании россиян. // Полис, 1994 №1.
3. Кононов И. Адаптационные и адаптирующие стратегии поведения городских жителей Луганщины в условиях общественного кризиса. // Социология: теория, методы, маркетинг, 1999, №2, С.70-88.
4. Шабанова М.А. Свобода и независимость в меняющемся обществе: социально-экономический аспект. // Социологический журнал 1996, №3-4, С.84-99.
5. Томас Хойруп, Модели жизни (перевод с англ.) 1997.
6. Тихонович В. Проблема социальной солидарности в кризисном обществе // Социология: теория, методы, маркетинг, 1999, №2, С.54-70.
7. Schnider D. American Kinship: A Cultural Account (Englmoor Cluffts, N.I. Prentice-Hall, 1968)
8. Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity. // Ethnicity: theory and experience. Harvard University Press, 1975 p.53-84.
9. Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge; Polity Press, 1990.
10. Бергер П., Лукман Т., Социальное конструирование реальности. М., 1995, С.239-263.
11. Подробнее см. Победа Н.А. Возрождение духовности как предмет социологического анализа. \ \ Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Харків 1999, С.43-49.
12. Ионин Л.Т. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М. Логос, 2000, С.330-345.
13. Молодежная субкультура. Одесса, 1999, глава 1, парагр. 1. С.8 –58.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

The author analyses a possible application of the synergetic approach to explanation of the social transformation process in contemporary Ukrainian society. The paradigm being proposed here to explain the end of communism and post-communism transformation is an attempt to bring together evolutionary processes and the precipitate change effected in the logic of the system, combining the tendencies encoded within the contradictions of communism and with phenomena of the duplicated reality. The transformation specific in Ukrainian society displayed through its twice-steps character. The first step was connected with the evolutionary development type, combining with the mechanisms of expended authopoesis. The second period appeared as the effect of the rigid loss of the stability by the society, which constituted a chaotic regime for future transformation. The author confirms the self-constitution of the new attractors for society is in progress, and it appears through the forming of the social forces which is possible to influence essentially to the social development.

В статті аналізується можливість застосування загальнонаукової методології синергетичного підходу до пояснення процесів соціальної трансформації, що відбуваються в сучасній Україні. Розгортається теоретична модель самоорганізації як принципа розвитку суспільства, що є складною відкритою системою, далекою від термодинамічної рівноваги. Аналізується взаємодія між станами усталеності та ентропії, що відбувається за принципами взаємної додатковості та проявляється в чергуванні еволюційної та біфуркаційної моделей розвитку. Розглядаються соціальні ефекти "м'яких" та "жорстких" шляхів втрати суспільством усталеності. Соціальна трансформація інтерпретується як варіація названих моделей розвитку, що пов'язана з процесом відносно швидкої природної зміни системних якостей суспільства як відгук на погрозу вичерпаності ресурсів конкретної форми розвитку. Стверджується, що трансформація українського суспільства розгорталася як двох кроковий процес. Специфіка еволюційного періоду трансформації привела до процесів дублікації суспільства та появи "перетворених" суспільних форм. Це відбилося на виникненні хаотизованого режиму подальшого руху. Однак процес самовідтворення нових областей тяжіння суспільства продовжується і виявляє себе через формування соціальних сил, здатних суттєво впливати на суспільний розвиток.

Ключевые слова: синергетический подход, аутопоэзис, эволюционная и бифуркационная модели развития, социальная трансформация.

Любая теоретическая модель начинается с тезиса-аксиомы, гипотетического утверждения в отношении природы социального явления. По замечанию Н.Лумана, "эволюция привела к такому миру, который имеет очень много разных возможностей наблюдения себя самого, без выделения одной из этих возможностей как лучшей или единственно правильной" [1]. Вместе с тем, уровень развития современной науки позволяет делать некоторые утверждения, которые могут иметь универсальный характер, отражающий наблюдаемые явления мира. Одним из таких утверждений является принцип движения мира и саморазвития его сложных объектов. Мы полагаем, что адекватное понимание сущности и эффектов социальных изменений и трансформации сегодня невозможно без обращения к нелинейным принципам мышления и познанным наукой особенностям переходных состояний в движении, самоорганизации сложных систем. Такое понимание формируется на основе развивающегося синергетического подхода, теории термоди-

Куценко Ольга Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-76-51; e-mail: f_ok@guru.cit-ua.net)

намической эволюции как модели самоорганизации сложных открытых систем.

Возникновение синергетического подхода стало логическим итогом современного развития науки и философии. Несмотря на то, что нелинейная динамика, представления о роли хаоса в процессах самоорганизации формировались с XIX века, вместе с тем, по образному выражению С.Келлэа (проанализировавшего учебники текущего века по динамике), в науках вплоть до 60-х годов продолжал господствовать “метафизический комфорт детерминизма” [2]. Легитимизация нелинейного стиля мышления происходит лишь с конца 70-х годов XX века и отражает происходящее смещение мировоззрения, культуры к иным ценностям и значениям, не характерным для модернистской эпохи и классической науки.

Исследования различных сложных объектов мира показывали, что: непрерывность в развитии сосуществует с прерывностью; энтропия является необходимым условием возникновения новой упорядоченности; суммарные эффекты действий при упорядочивании отличаются от затраченных свойств; как только энергия какой-либо системы достигает необходимой величины, то возникает согласованное движение подсистем, которое способно привести к совместному эффекту и самоорганизации. Для обобщения данных феноменов и обозначения того направления междисциплинарных исследований, которое изучает процессы взаимодействия подсистем, сопровождающиеся кооперативным эффектом и спонтанной самоорганизацией, немецкий физик-теоретик Г.Хакен предложил термин “*синергетика*” [3]. А среди существующих теоретических подходов к объяснению процессов самоорганизации наиболее широкое признание получила теория термодинамической эволюции, диссипативных структур, разработанная брюссельской школой И.Пригожина [4]. Именно в ее рамках сегодня наиболее плодотворно развивается *теоретическая модель самоорганизации* как принципа развития всех сложных открытых систем, находящихся в состоянии, далеком от термодинамического равновесия, т.е. от максимальных значений энтропии. А *самоорганизация* описывается как возникающий спонтанно и проявляющийся скачкообразными переходами процесс формирования пространственной, временной, функциональной структуры системы, происходящий при ее определенных характеристиках и без целенаправленного воздействия извне. Самоорганизация – это процесс взаимных переходов через состояния неустойчивости от хаоса к упорядоченности и наоборот. На основании того, что возникновение структур порядка из хаоса встречается практически во всех сложных явлениях мира, изучаемых разными науками, И.Пригожин, а следом Г.Хакен пришли к выводу о том, что законы самоорганизации являются универсальными. Именно поэтому синергетическая модель будет нами использована как метапарадигмальная основа понимания социальных изменений и современного трансформационного процесса.

Несмотря на то, что синергетический взгляд на мир только формируется, он уже активно завоевывает методологические позиции в социальных науках и поддерживает проявившуюся в социологии в последние десятилетия тенденцию к мультидисциплинарности, многомерности, преодолению альтернативы макро-/микроподходов, структурного/деятельностного акцентов анализа.

Согласно синергетическому подходу, общество представляется принципиально открытой системой, поведение которой нелинейно. Это означает, что система способна реализовывать не единственный, а различные типы поведения, являющиеся функцией многообразия возмущений со стороны среды и многообразия возможных контрольно-регулирующих действий со стороны системы [5, с.111-112]. Другими словами, многообразие возможных типов поведения сложной открытой системы образует континуум, ограниченный качественными характеристиками среды и важнейшими конкретными свойствами самой системы. В таких системах, как показал еще Дж.Гиббс в XIX веке, также может нарастать неупорядоченность (энтропия). Однако, согласно теории И.Пригожина, энтропия в сложных открытых системах, достигнув критических значений, достаточно далеких от термодинамического равновесия, может стать источником новой упорядоченности, нового когерентного, структурированного пространственно-временного поведения системы [6].

Анализируя динамику различного типа открытых сложных систем, И.Пригожин с коллегами [4] пришли к выводу о том, что когда такие системы оказываются в состоянии неустойчивости, перед лицом возникающей опасности энтропии и постепенного исчезновения структуры (которая сопровождается основной энергетической потерей) в частях системы возникают спонтанные флуктуационные движения. Эти движения, проходящие методом “проб и ошибок”, направлены на поиск путей сохранения энергии, аккумулированной в структуре и, в том числе, необходимой для поддержки системы. Флуктурирующие части системы приобретают повышенную чувствительность к феноменам, к которым ранее они были индифферентны. Такая чувствительность проявляется как в отношении явлений окружающей среды, так и в отношении тех явлений, которые могли бы быть названными как их собственный архетип, или генокод, либо, по словам И.Пригожина, их собственные внутренние “химические часы”. Активизировавшиеся случайные флуктуации частей, происходящие в рамках действия законов статистической вероятности, могут произвести базовые контуры нового порядка. Обретенная частями системы чувствительность к факторам окружения и самосохранения способна вводить элементы нового порядка, запечатлевая их, прежде всего, на структуре и культуре общественной системы (через реакции частей) и, таким образом, создавая возможные новые общие референтные параметры. В таком движении может происходить нарушение согласованности различных возникающих форм реакций, что приводит к хаотическому движению частей. В результате этих процессов снова через некоторые изменения может возникнуть автокаталитический механизм, который ускорит определенные реакции, в то время как другие формы реакций будут отставать. Таким образом, согласно выводам школы И.Пригожина, в возникающем процессе самоорганизации определяющую роль играет не цепь причин и следствий, а *шансы*, которые обнаруживаются в результате случайных действий (реакций) частей системы, ограниченных встроенными в систему “химическими часами”, или генокодом.

Таким образом, движение сложных открытых систем, в том числе и общества, проходит в континууме бесконечных флуктуаций как постоянный поиск меры между хаосом и упорядоченностью, в противоположности которых заложен источник развития. Процесс их развития характеризуется наличием сложной взаимосвязи между состояниями устойчивости, упорядоченности и неустойчивости, энтропии, *их взаимной дополнительностью*. В наиболее общем виде эта связь выражается в чередовании *эволюционных и бифуркационных* форм развития. Данное разграничение форм является чрезвычайно условным, поскольку эволюционное развитие так или иначе содержит в себе моменты прерывности, бифуркаций, а бифуркационные формы также предполагают моменты эволюционности. В самом общем случае бифуркация может быть рассмотрена как частный случай эволюции. Вместе с тем, разграничение этих понятий помогает отразить качественное своеобразие двух фаз, возникающих в процессе развития и связанных с доминированием либо динамического равновесия, либо неравновесности системных свойств.

Эволюционная форма включает в себе периоды устойчивого (в смысле динамического равновесия) функционирования и плавных изменений общества. Главной ее особенностью является то, что траектории движения общества “прокладываются” вблизи точек равновесия, конкретной *области притяжения свойств* (аттрактора), при этом не нарушается когерентность, связность основных общественных подсистем. В рамках этой формы происходят плавные процессы самоорганизации, которые реализуются в состоянии динамического равновесия системы, колеблющейся между стабильностью и изменчивостью. Такое состояние означает, что спонтанные отклонения параметров общественной системы (ее флуктуации) генерируются самой системой. Это происходит как через воспроизводство системой испытанной области притяжения, так и через ее плавное смещение к новому, более сильному аттрактору, что влечет за собой постепенную трансформацию самой системы. При этом плавные изменения в отдельных подсистемах общества получают адекватные отражения в других подсистемах, что обеспечивает когерентность изменений в масштабах общества. Общество в процессе эволюционного движения претерпевает такие изменения, в результате

которых увеличивается его взаимодействие со средой (здесь вполне адекватно понимание "среды", предложенное Т. Парсонсом), повышается его сложность, а значит, растет как возможность рационального выбора, так и степень неопределенности.

Любая общественная система в своем функционировании стремится к сохранению устойчивости, взаимозависимости собственных структур и границ, выбранного пути движения. Данная тенденция – "гомеостазиса" – оказывается возможной благодаря наличию внутренних процессов регуляции и контроля, механизмов адаптации и воспроизводства.

В отношении общественной системы механизмы регуляции и контроля были прекрасно концептуализированы в рамках структурного функционализма, и, прежде всего, в работах Т. Парсонса, Р. Мертона, а также в концепции Э. Дюркгейма. Теория социальных систем Т. Парсонса – это, прежде всего, теория устойчивой, равновесной формы функционирования общества, в которой все структурно-функциональные взаимодействия целесообразны и когерентны, регулируются институтами, определенными системами ценностей и норм. Это – форма, которая как бы абстрагируется от случайностей и флуктуаций, неупорядоченности и спонтанного саморазвития, и именно поэтому является лишь частным случаем, а более точно, проводя аналогию с известным выражением П. Бурдьё, – "обществом на бумаге", теоретической моделью гораздо более сложной реальности, в которой данная модель фактически не реализуется. Вместе с тем, она позволяет увидеть важнейшие "пространственно-временные протяженности" (термин Э. Гидденса), определяющие структурно-функциональную устойчивость общества.

Наиболее общим теоретическим выражением процессов внутренней регуляции и контроля, приводящих к гомеостазису, является принцип Ле Шателье, согласно которому в структуре системы под воздействием внешних сил возникают процессы, направленные на противодействие этим силам и сохранение искомого состояния [7, с. 197-198]. Этот принцип вытекает из более общего закона сохранения энергии и вещества, и усиливает свое действие с образованием в системе иерархических структур, понижающих число степеней свободы в выборе действий. Открытые М. Вебером организационные закономерности, тенденции роста бюрократии, институционализации в современном сложном обществе являются конкретным приложением названных общенаучных принципов.

Одним из важнейших механизмов устойчивости системы является ее способность к самовоспроизводству, осуществляемому без серьезных структурно-функциональных изменений (*аутопоэзис*). Математическая модель аутопоэтической системы была построена М. Эйгеном [8]. Данная модель показывает, как на уровне сложных открытых систем может происходить самовоспроизведение. Определяющую роль в этом процессе играет открытый У. Эшби в применении к кибернетическим системам принцип необходимого разнообразия. Согласно этому принципу, распространенному на область аутопоэтических систем, для эффективного самовоспроизводства системы количество вариаций контрольных, регулирующих действий должно быть, по крайней мере, равным количеству флуктуаций, спонтанных влияний со стороны среды [5, с. 112]. Если же вариабельность управленческо-регулирующих выборов, действий внутри общества ограничена, его структурно-функциональные элементы не успевают адекватно "отвечать" на вызовы среды (природной, личностной, культурной), в таком случае процесс самовоспроизводства нарушается. В классических позитивистских кибернетических терминах, аутопоэтическая система – это гомеостатическая система, в которой энтропия, неупорядоченность не способны достигать предельных значений. Социологическая интерпретация процессов эволюции через самовоспроизводство была дана Н. Луманом. Его работа "Социальная система" [9], по сути, представляет собой применение концепции аутопоэзиса к области социального. Автор показывает, что общество как самовоспроизводящаяся и самореферентная (описывающая себя) система имеет внешние и внутренние причины воспроизводить себя, а также само способно в процессе самореференции задавать причины воспроизводства. Согласно Н. Луману, аутопоэзис возникает из внутренней потребности общества-системы отличать себя от внешней среды, которая всегда является более сложной, чем конкретная общественная

система. Коммуникации, огражденные социальными структурами-ожиданиями, рассматриваются автором в качестве механизмов аутопоэзиса [1, с.116-121]. Таким образом, коммуникации, в логике Н.Лумана, становятся фактором социальной эволюции. Такая теоретическая логика приводит к парадоксальному выводу, а именно - возможности преодоления ограничений принципа У.Эшби в приложении к социальным системам. Для самовоспроизводства общественная система реализует возможности среды, которых всегда больше, чем то количество, которое может быть использовано системой. В силу этого в процессе самовоспроизводства рост разнообразия форм общества становится неизбежным. Причем, чем интенсивнее коммуникации, тем более интенсивным должен быть не только процесс самовоспроизводства, но и процесс изменений. При этом в процессе эволюционного движения происходит не только воспроизводство определенных архетипов, глубинных системных свойств общества, но и развитие существующих в общественной системе противоречий.

Общество, как и любая сложная система, не может долго функционировать без серьезного усовершенствования. В нем возникают системы собственных интересов, представляющие собой вариации ответов на существующие противоречия, допускаемые симметрией системы. Последние проявляются как флуктуации первичных целей и ценностей. При этом, как следствие, могут образовываться некоторые побочные социальные образования и процессы флуктуационного происхождения, не вписывающиеся в главный поток движения. На их почве способны рождаться *контртенденции* развития. Последние являются попытками иного способа самоорганизации под угрозой возможного “тупика”, коллапса как вероятного следствия исчерпания ресурсов конкретной формы. Такой контртенденцией в период эволюционного развития восточно-европейских социалистических обществ стало возникновение так называемого “второго общества” (явление первоначально описано в работах венгерских социологов И.Селени, Е.Ханкисса, позже его понимание развито в трудах чешского социолога П.Махонина). Данный концепт обобщает формирование в истории “реального социализма” социальных групп, чьи специфические интересы отличались от интересов, навязываемых официальными институтами общества. “Эти группы, – как отмечает П.Махонин, – стояли вне так называемого социального контракта и были способны инициировать / поддерживать реформы и оппозиционные движения. В последнюю фазу социализма и в начале посткоммунистического развития они также создавали многочисленные гибриды социальных институтов, которые выживали социализм и получали продолжение своего существования в трансформационном процессе” [10, с.28]. Такая контртенденция усиливала противоречивость общества, но вместе с тем и снимала некоторые напряжения в общественной системе, а также способствовала плавному накоплению альтернативных аттракторов – возможных форм будущего развития.

В рамках эволюционной модели процесс структурно-функционального варьирования носит адаптивный характер и не приводит к изменению системного качества. Адаптивность выступает дополнительным фактором устойчивости и отражает, как отмечает Дж.Касты, “меру способности системы к поглощению внешних возмущений без резко выраженных последствий для ее поведения в переходном или установившемся состоянии” [5, с.141]. Адаптивное движение – через механизмы актуализации, лабилизации имеющихся, а также введения новых структур и функций – стремится приспособить систему к изменяющимся условиям среды наиболее выгодным для нее способом, то есть, с наименьшей потерей собственных ресурсов. На пути такого приспособления могут возникать напряжения, кризисные ситуации (“*критические точки*”) как сигналы об угрозе возможного исчерпания ресурсов данной формы развития. Вместе с тем, пока адаптивные механизмы способны обеспечивать непревышение критических показателей своих важнейших системных параметров, общество будет сохранять выбранную ранее форму эволюционного развития.

Вместе с тем, как отмечает Н.Н.Моисеев, “чрезмерная адаптация... столь же опасна для совершенствования вида, как и его неспособность к адаптации” [11, с. 42], поскольку в данном случае устойчивость противоречит принципу изменчивости. В открытых системах,

как было показано И.Пригожиным, спонтанные отклонения способны усиливаться, а их эффекты накапливаться. При достижении общественной системой предельной степени отклонения от равновесия, когда сила возмущающего воздействия превышает адаптивные возможности, ее стационарное состояние может стать неустойчивым. Достижение такой разновидности критических точек – “*точек перегиба*” [12, с.76-77] – означает, что социальная система подходит к пределу существующей формы развития, когда возможно “расщепление” (“*бифуркация*”) форм развития на множество различных вариантов. Данное множество возникает из всей совокупности имевшихся в обществе побочных флуктуаций, в том числе контртенденций, и существенно зависит от всех факторов, определяющих состояние системы в критической точке. В нелинейных системах, ставших неустойчивыми, случайные флуктуации способны увеличиваться во времени, в результате чего средние значения типичных для конкретного общества свойств изменяются, как пишут Г.Николис и И.Пригожин, “макроскопически заметным образом” [6, с.18]. Более того, небольшое увеличение внешнего воздействия может привести к очень сильным эффектам, несоизмеримым по амплитуде с исходным воздействием. Эта ситуация несоразмерности очень хорошо отражается словами Ф.Ницше: “Самые тихие слова суть именно те, которые приносят бурю”. Именно такие факторы неустойчивости и становятся факторами *бифуркационной модели* развития. Бифуркационная форма, в отличие от эволюционной, связана с фазой развития, которая характеризуется максимальной неравновесностью, дискретностью процессов и состояний.

Общие принципы потери системой устойчивости, состояния равновесного развития и принципы перехода описаны теорией А.Пуанкаре – А.А.Андропова, которая может быть рассмотрена как математическая интерпретация законов диалектики, сформулированных Г.Гегелем. Согласно данной теории, бифуркация (или катастрофа) представляет собой качественную перестройку, скачкообразное изменение состояния системы в результате плавного изменения ее параметров [13, с.8]. Это – “расщепление” ранее целостной формы эволюции на множественные варианты дальнейшего развития, один из которых система должна так или иначе выбрать. Вместе с тем, “выбор” системы в условиях бифуркационного состояния – это не “рациональный выбор” в классическом социологическом понимании. Согласно которому выбору предшествует рациональное оценивание. Механизмы бифуркационного развития коренным образом перестраивают систему, ее системное качество, однако с непредсказуемыми следствиями. Поле выбора содержит внутреннее многообразие, но не безгранично, о чем было сказано выше. Оно представляет собой, по сути, поле возможной легитимации побочных флуктуаций и контртенденций, проявившихся в период, предшествующий бифуркации, и расширяется последующими флуктуациями, возникающими уже в процессе бифуркационного развития. *Эта форма скачка отличается резкостью ухода от бывшей области притяжения свойств общественной системы, доминированием случайных факторов развития и непрогнозируемостью будущего выбора новой области притяжения до тех пор, пока сам выбор не произойдет.* Ситуацию перехода системы к катастрофному развитию можно сравнить с ситуацией “падающей” Пизанской башни: ясно, что она упадет, не ясно лишь куда, когда и отчего.

Социальную трансформацию мы можем рассматривать как вариацию эволюционной и бифуркационной моделей развития, связанную с процессом относительно быстрого естественного (плавного либо скачкообразного) изменения *системных качеств* общества как ответ на угрозу исчерпания, либо исчерпание ресурсов конкретной формы развития. Трансформация общества приводит к изменению его системного качества и может осуществляться как адаптивно-эволюционными, так и бифуркационными механизмами. В данном процессе однозначными являются лишь отказ от прошлых системных качеств и выход общества в поле притяжения множественных возможных вариаций развития. Сила притяжения возникающих вариаций определяется комбинациями всей совокупности факторов, действующих в “точке перегиба”. Трансформация – это процесс, который подчиняется логике саморазвития (которая может выглядеть и алогичной с точки зрения отдельного наблюдателя), в котором доминируют механизмы стихийного упорядочивания.

А еволюционная либо бифуркационная модели трансформационного процесса определяющим образом зависят от способа потери обществом прошлого состояния устойчивости.

Согласно математической теории катастроф, выделяются “мягкие” и “жесткие” способы потери устойчивости [13, с.21–30]. О “мягких” способах говорят в тех случаях, когда после потери общественной системой устойчивости возникает периодический колебательный режим движения, отводящий ее через накапливающиеся и усиливающиеся флуктуации все дальше от прошлого состояния, и плавно переводящий ее к новым состояниям притяжения. Рождение скачка, изменение системных качеств становится продуктом эволюционного движения, предполагающего сохранение значительной степени согласованности, кооперативных эффектов во взаимодействиях структурных элементов общества. Однако эта относительная согласованность в период трансформации каждый раз воспроизводится уже в новых формах коммуникации, культурно-структурных позиций, которые изменяются под влиянием притяжения наиболее сильных на данный момент факторов. Такая расширяющаяся адаптация через плавную колеблющуюся изменчивость прочерчивает формы вероятных смещений общественной системы. “Мягкий” способ потери устойчивости возможен в ситуации, когда в предшествующий период развития общество не исчерпало свои адаптивные возможности, в нем отсутствовала жесткость организации режима контроля, возникавшие контртенденции (которые и могли возникнуть в силу отсутствия жесткости режима) спонтанно формировали новые области социального притяжения и, соответственно, имелась свобода выбора действий. Существенные социальные изменения, которые демонстрируют западные индустриальные общества во второй половине XX века, вполне описываются эволюционной, или “мягкой” моделью трансформации.

“Жесткий” способ потери устойчивости предполагает резкий уход общества от прошлого стационарного состояния и скачкообразное его попадание в широкое поле притяжения возможными иными состояниями. Перед тем, как происходит данный процесс, согласно математической теории катастроф, область притяжения предшествующей формы развития становится чрезвычайно малой, резко нарастают внутрисистемные противоречия, усиливаются контртенденции. По сути, это означает коллапс прошлой логики развития. Однако эволюционная историческая логика оказывается более сложной; она не означает “конец истории”, а лишь отрицание (в диалектическом смысле слова) прошлой формы движения. Нередко при такой динамике наблюдается, как отмечает В.И.Арнольд, затягивание потери устойчивости [13, с.27], в случае общества – прежде всего благодаря воздействию достаточно мощных институциональных механизмов поддержки прошлого состояния. В результате общественная система способна задержаться в состоянии равновесия еще на некоторое время, в течение которого ее ресурсы легитимности будут стремительно снижаться к нулю. И тогда случайные возмущения способны “выбросить” систему из этой области притяжения до того, как ее влияние полностью исчезнет.

Данный способ потери устойчивости определяет последующую бифуркационную модель развития. Ее особенностью является то, что в результате скачка разрушается согласованность во взаимодействии элементов общества, происходит “анклавизация”, прерывание бывшей системной целостности. В такой ситуации важнейшей для общества задачей становится воспроизводство собственных границ, поиск новых ориентиров и способов достижения общественного согласия, согласованного взаимодействия подсистем. Ответом на первую проблему становится обострение национального самосознания и соответствующего типа социальной мобилизации. Ответ на вторую проблему прерывности происходит в двух версиях: изменении идентичности и изменении культурно-структурного контекста. Кооперативный эффект таких процессов может быть различным и существенно зависит от характера развертывающейся бифуркационной модели.

Бифуркационная модель движения, наступающая в результате жесткой потери системой устойчивости, может развиваться в трех возможных вариациях, определяющим образом зависящих от вида аттракторов - областей притяжения в поле возможных выборов. Как отмечают А.Ю.Лоскутов и А.С.Михайлов, в период бифуркации в системе могут

реализовываться либо регулярные режимы движения – периодические или квазипериодические (что соответствует внутренне целостным, не-сложным в физико-математическом смысле аттракторам), либо хаотический режим, соответствующий так называемому “странному аттрактору” [14, с.159]. Именно данными механизмами в первую очередь и можно объяснить те серьезные расхождения трансформационного процесса, которые проявились в бывших социалистических странах Восточной, Центральной Европы и Советского Союза после 1989-1991 годов.

Случаи периодических и квазипериодических режимов означают, что общественная система, неожиданно “вырвавшись” из области притяжения прошлых системных свойств, попала в сильную новую область притяжения, подготовленную ее прошлым развитием. В границах новой области притяжения и рядом с ними начинают происходить процессы согласования проявляющихся новых свойств, “связывания”, солидаризации общественных подсистем в соответствии с новыми влиятельными параметрами. Данная ситуация в математическом языке описывается понятием “инвариантного тора” – пространственной фигуры, возникающей в результате вращения системы (круга) вокруг некоторой оси, которая лежит в плоскости системы, но при этом ее не пересекает.

Похоже, что данный тип бифуркационного развития определил специфику трансформационного процесса в таких странах, как Польша, Чехия, Венгрия, Словения. Трансформационный процесс в данных обществах прошел как длительную эволюционную, так и бифуркационную фазы. Однако в период эволюционной трансформации в этих странах произошло не только ослабление жесткости режима под влиянием нарастающих внутрисистемных противоречий, но и спонтанная самоорганизация в формах модернизации социальной структуры, формирования нового среднего класса, протестной культуры и мобилизационной активности. Последнее получило развитие в социальной практике сформировавшегося “второго общества”. Это и стало достаточно определенной структурно-деятельностной основой для проявления новой сильной области притяжения системы.

Иначе складывается трансформационный процесс в ситуации “*странного аттрактора*”. В математической теории катастроф данным понятием обозначают такие области притяжения, в которых возникают сложные, пространственно-неоднородные, непериодические колебания. Это состояние связано с проблемой турбулентности и предполагает формирование и расхождение независимых траекторий притяжения, в результате чего возникает хаотическая динамика. Попадающие под влияние различных областей притяжения общественные подсистемы начинают “разбегаться” по разным траекториям (социальным интересам и потребностям, ценностным системам, структурам и направленности действия, социальным практикам). Происходит декомпозиция, анклавизация общества, при которой в отдельных его частях может возникать собственная логика движения, возможный частичный кооперативный эффект, который не способствует общей солидаризации. Общество приобретает принципиально *асистемные* свойства, в нем отсутствует когерентность частей, а также интегративные области притяжения, способные стать системными качествами. Вместе с тем в отдельных общественных “анклавах” может происходить постепенное накопление социальных сил, приобретающих структурно-деятельностную определенность. Самопроизводство таких сил, возникающее, согласно теории И. Пригожина, как стихийное упорядочивание интересов, ресурсов и действий, может, в конце концов, привести к образованию предела непериодического колебательного движения и стать фактором “перегиба” в преодолении хаотичности, формировании сильной области притяжения для всего общества и рождении нового процесса структуризации.

Мы полагаем, что трансформация украинского общества разворачивалась как двухшаговый процесс. Данный процесс начался в эволюционной форме, проявившейся двумя волнами активности: первая волна – в период “Хрущевской оттепели” до начала 70-х годов, вторая – в период советской перестройки. Первая волна эволюционной трансформации вполне совпадала с разворачивающейся трансформационной волной, охватившей все развитые индустриальные общества независимо от их социокультурной и политико-

экономической специфики. Однако контртенденции, рожденные данной волной (различные формы социальной и культурной мобилизации, рост форм самоуправления, нематериальных ценностей и др.), были “сдавлены” жесткими институциональными механизмами советского общества, не исчерпавшего ресурсы имеющейся формы развития. Противоречия продолжали накапливаться, однако сильные институциональные барьеры препятствовали развитию структурно-деятельностных контртенденций, вели к появлению превращенных форм, генерализующих противоречия в рамках существующей модели развития. Как отмечает В.Е.Шедяков, превращенные социальные формы являются продуктом “превращения внутренних отношений сложной системы, когда действительные связи замещаются иными элементами, сливающимися со свойствами формы. Как следствие... форма обретает отдельность, самостоятельность, цельность, оказываясь субстанцией иных отношений и свойств и иницируя собственные явления по своей логике” [15]. Таким образом, превращенные формы способствовали запаздыванию объективно необходимой социальной трансформации, отставанию отечественного общества от социальной динамики индустриально продвинутых стран. Они также становились фактором рождения контртенденций. Однако контртенденции, возникшие из превращенных форм, проявлялись как скрытые в существующей общественной модели, и в силу этого – временно более мягкие. Такие контртенденции оказывали существенное давление на общественную систему, однако не получали выражение в официальном дискурсе коммуникаций и в институциональных формах социальной практики.

Превращенной макроформой функционирования советского общества с 70-х годов стала дубликация формальной реальности неформальной реальностью, развитие специфического социального “зазеркалья”. Формальное отсутствие рыночных механизмов в экономике vs их реальное присутствие в формах “теневой экономики”, блата, бартера, валютных операций и т.п.; ритуализация идеологии, институционализация мифологем, оправдывающих социальную “зазеркальность”, vs продукты творчества массового повседневного сознания (анекдоты, “кухонные” разговоры и т.п.), снимающие мифологемы; формальная высокая политическая активность vs слабая гражданская инициативность – все это и другое стало непосредственным выражением процесса социальной дубликации, скрытого усиления системных противоречий и возможных, однако неоформившихся, контртенденций развития. Накопление данных факторов ослабляло режим и, в конце концов, стимулировало вторую волну эволюционной трансформации.

Вторая волна эволюционной модели трансформации проявилась в период советской перестройки и отразила ситуацию истощения внутрисистемных ресурсов имеющейся формы развития. В течение непродолжительного времени, пока сохранялась инерция движения старых форм, шло бурное накопление давления противоречий и формирование контртенденций как альтернатив развития. Однако контртенденции не успели обрести свою структурно-деятельностную определенность. Уже с 1989-1991 годов данный процесс приобретает *бифуркационный* характер. А отсутствие сильных в масштабах общества аттракторов, областей новой легитимации и разрушение государственной целостности советского общества, аккумулировавшей инертную силу прошлой формы развития, по-видимому, стали факторами хаотизации дальнейшего движения.

Затягивание общества в такой режим движения принесло с собой серьезные социальные опасности, связанные с возможным разрушением механизмов аутопоэзиса, интегративных свойств общества, его архетипов, а значит – вероятного коллапса. Такая ситуация чрезвычайно усложняет возможности солидаризации, достижения новой структурно-деятельностной упорядоченности. В этом процессе нет никакой определенности в отношении его результатов. Вместе с тем, процесс самопроизводства новых областей притяжения общества *происходит* и обнаруживает себя через формирующиеся социальные силы, способные существенно влиять на общественное развитие. Как дальше может разворачиваться данная форма трансформационного процесса? Ответ на этот вопрос предполагает дальнейший качественный анализ соотношения и направленности всех тех социальных сил, которые сегодня проявляется в движении общества.

Литература:

1. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. - 1995, №3. - С. 116.
2. Kellert S.H. In the Wake of Chaos. - Chicago: Chicago Univer. Press, 1993. - P. 147-156.
3. Хакен Г. Синергетика. - М., 1980. См. также: Кислова О.Н. Синергетическая модель мира и ее методологические функции в социологических исследованиях // Харьковские социологические чтения-95. - Харьков, 1995. - С.33-37; Профатилова Л.Г. Синергетический подход при изучении социальных систем // Там же, с. 37-39; и др.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1986; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного: Введение / Пер. с англ. - М.: Мир, 1990. - 342 с.; Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционные представления / Пер. с англ. - М.: Мир, 1989. - 486 с., др.
5. Касти Дж. Большие системы: Связность, сложность, катастрофы / Пер. с англ. - М.: "Мир", 1982.
6. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Пер. с англ. - М.: "Мир", 1979. - С.10-13.
7. Яворский Б.М., Детлаф А.А. Справочник по физике для инженеров и студентов вузов. - М.: "Наука", 1977.
8. Bailey K.D. Sociology and the New Systems Theory. Toward a Theoretical Synthesis. - Albany: State Univer. of New York Press, 1994.
9. Luhmann N. Social Systems. - Stanford Univer. Press, 1995. - 619 p.
10. Machonin P. Social Structure of Communist Societies "Apres la Lutte" // Sisyphus. - 1997, Vol. X.
11. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. - М.: "Наука", 1987.
12. Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. - М.: "Мир", 1980.
13. Арнольд В.И. Теория катастроф. - 3-е изд. доп. - М.: "Наука", 1990.
14. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику: Учеб. руководство. - М.: "Наука", 1990.
15. Шедяков В.Е. Принцип превращенных форм в управлении социохозяйственной модернизацией // Харьковские социологические чтения-95. Доклады и сообщения участников. - Харьков, 1995. - С. 39-40.